

ISSN 2219-6838

**ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К «РОССИЙСКОМУ
ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»**

**НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ,
ИНФОРМАЦИОННОЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ
ИНТЕРАКТИВНОЕ ИЗДАНИЕ**

Основано в 2010 году

5/2024

electronic.ruzh.org

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – к. ю. н., доц. **И. В. Федоров**

д. ю. н., доц. **О. И. Андреева** (Томск), д. ю. н., проф. **Ю. С. Безбородов** (зам. гл. редактора), д. ю. н., проф. **О. В. Болтинова** (Москва), д. ю. н., проф. **Л. Ю. Василевская** (Москва), д. ю. н., проф. **Т. С. Волчецкая** (Калининград), д. ю. н., проф. **С. Ю. Головина** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Е. Р. Ергашев** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **С. К. Загайнова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Т. В. Заметина** (Саратов), д. ф. н. **О. А. Зигмунт** (Фехта), д. ю. н., проф. **И. А. Игнатъева** (Москва), д. ю. н., проф. **С. В. Кодан** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **И. Я. Козаченко** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Н. В. Козлова** (Москва), к. ю. н. **Я. Койстинен** (Хельсинки), д. ю. н., проф. **В. В. Комарова** (Москва), к. ю. н., доц. **Т. В. Кондрашова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **П. И. Кононов** (Киров), д. ю. н., проф. **Э. А. Кочкарова** (Бишкек), д. ю. н., проф. **Е. В. Кудрявцева** (Москва), д. ю. н., проф. **П. У. Кузнецов** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **А. В. Лисаченко** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **Т. Е. Логинова** (Пермь), д. ф. н., проф. **И. П. Малинова** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **Е. В. Марковичева** (Москва), д. ю. н., проф. **С. Ю. Марочкин** (Тюмень), д. ю. н., доц. **М. В. Мещанова** (Минск), д. ю. н., проф. **С. П. Мороз** (Алматы), д. и. н., проф. **В. П. Мотревич** (Екатеринбург), д. ю. н., проф. **В. В. Никишин** (Санкт-Петербург), д. ю. н., проф. **Д. В. Осинцев** (Екатеринбург), проф. **П. Поликастро** (Щецин), д. ю. н., проф. **С. Б. Поляков** (Пермь), д. ю. н., проф. **В. Ф. Попондопуло** (Санкт-Петербург), д. ю. н., проф. **С. В. Рыбакова** (Саратов), д. ю. н., проф. **Г. В. Сахнова** (Красноярск), д. ю. н., проф. **Е. В. Смахтин** (Тюмень), д. ю. н., проф. **А. И. Стахов** (Москва), д. ю. н., проф. **В. Л. Толстых** (Москва), д. ю. н., проф. **А. Трунк** (Киль), д. ю. н., проф. **М. Ю. Федорова** (Екатеринбург), к. ю. н., доц. **С. Д. Хазанов** (Екатеринбург), проф. **Хуан Даосю** (Пекин), д. ю. н., проф. **В. М. Шафиров** (Красноярск), проф. **П. Шокинс** (Лёвен)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief – **I. Fedorov** (candidate of legal sciences, assoc. prof.)

O. Andreeva (doctor of legal sciences, assoc. prof., Tomsk), **Yu. Bezborodov** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **O. Boltinova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **E. Ergashev** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **S. Golovina** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **Huang Daoxiu** (prof., Beijing), **I. Ignatieva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **S. Khazanov** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **E. Kochkarova** (doctor of legal sciences, prof., Bishkek), **S. Kodan** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **Ja. Koistinen** (candidate of legal sciences, Helsinki), **V. Komarova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **T. Kondrashova** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **P. Kononov** (doctor of legal sciences, prof., Kirov), **I. Kozachenko** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **N. Kozlova** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **E. Kudryavtseva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **P. Kuznetsov** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **A. Lisachenko** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Yekaterinburg), **T. Loginova** (candidate of legal sciences, assoc. prof., Perm), **I. Malinova** (doctor of philosophical sciences, prof., Yekaterinburg), **E. Markovicheva** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **S. Marochkin** (doctor of legal sciences, prof., Tyumen), **M. Miashchanava** (doctor of legal sciences, assoc. prof., Minsk), **S. Moroz** (doctor of legal sciences, prof., Saint Petersburg), **V. Motrevitch** (doctor of historical sciences, prof., Yekaterinburg), **V. Nikishin** (doctor of legal sciences, prof., Saint Petersburg), **D. Osintsev** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **P. Policastro** (prof., Szczecin), **S. Polyakov** (doctor of legal sciences, prof., Perm), **V. Popondopulo** (doctor of legal sciences, prof., Saint-Petersburg), **S. Rybakova** (doctor of legal sciences, prof., Saratov), **T. Sakhnova** (doctor of legal sciences, prof., Krasnoyarsk), **O. Siegmunt** (doctor of philosophy, Vechta), **E. Smakhtin** (doctor of legal sciences, prof., Tyumen), **A. Stakhov** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **V. Tolstykh** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **A. Trunk** (doctor of legal sciences, prof., Kiel), **M. Fedorova** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **V. Shafirov** (doctor of legal sciences, prof., Krasnoyarsk), **P. Schoukens** (prof., Leuven), **L. Vasilevskaya** (doctor of legal sciences, prof., Moscow), **T. Volchetskaya** (doctor of legal sciences, prof., Kaliningrad), **S. Zagaynova** (doctor of legal sciences, prof., Yekaterinburg), **T. Zаметина** (doctor of legal sciences, prof., Saratov)

Редакционная коллегия определяет текущую редакционную политику журнала, рассматривает и утверждает содержание очередных номеров, контролирует деятельность журнала

Адрес редакции: 620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 23, оф. 207

Корреспонденцию, материалы и статьи направляйте по адресу:

620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21, УрГЮУ,

редакция «Российского юридического журнала».

Тел./факс (343) 375-54-20.

E-mail: rzh@usla.ru.

electronic.rzh.org.

Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77-41478 от 28 июля 2010 г.

Точки зрения авторов статей, иных материалов не обязательно совпадают с точкой зрения редакции.

Перепечатка статей и иных материалов, опубликованных в «Электронном приложении к „Российскому юридическому журналу“», допускается только с разрешения редакции

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМНАЯ ЛЕКЦИЯ

- Архипов С. И. (Екатеринбург)** Теория восходящего правового развития человечества: основные недостатки и пути их устранения 5
- Путинцев А. В. (Казань)** Становление криминологической школы Иркутского государственного университета в 1920-е гг.: Г. Ю. Маннс и Г. Г. Магульяно 18

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

- Гулемин А. Н. (Екатеринбург)** Цифровые экосистемы в современном праве: анализ национальных и международных подходов 27

Трибуна молодого ученого

- Кушнарев А. С. (Екатеринбург)** ЕАЭС вчера, сегодня, завтра: от региональной дезинтеграции к союзной интеграции 37
- Мецлер В. Э. (Екатеринбург)** Инициативы и особенности сотрудничества государств по вопросам безопасности в рамках ШОС 45
- Терехин И. С. (Москва)** Практические особенности начисления процентов на сумму предварительной оплаты 52

CONTENTS

A PROBLEM LECTURE

- Arkhipov S. (Yekaterinburg)** The theory of the ascending legal development of mankind: the main disadvantages and ways to eliminate 5
- Putintsev A. (Kazan)** Origins of the criminological school of Irkutsk State University in the 1920^s: G. Yu. Manns and G. G. Maguliano 18

THEORY OF LAW AND STATE

- Gulemin A. (Yekaterinburg)** Digital ecosystems in modern law: analysis of national and international approaches 27

YOUNG SCIENTISTS' TRIBUNE

- Kushnarev A. (Yekaterinburg)** The EAEU yesterday, today, tomorrow: from regional disintegration to union integration 37
- Metsler V. (Yekaterinburg)** Initiatives and features of cooperation between states on security issues within the framework of the SCO 45
- Terekhin I. (Moscow)** Practical peculiarities of interest calculation on the amount of tentative payment 52

ТЕОРИЯ ВОСХОДЯЩЕГО ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА: ОСНОВНЫЕ НЕДОСТАТКИ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ

Архипов Сергей Иванович

Профессор кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), приглашенный профессор Университета «Париж-Нантер» (Париж, Франция), доктор юридических наук, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

В статье анализируются причины кризиса идеи восходящего правового развития (правового прогресса) человечества. В качестве одной из важнейших причин выделяется сформировавшееся в эпоху Просвещения убеждение в неизбежности, неотвратимости правового прогресса, в основе которого лежит постулат о заложенных природой в человеке задатках, толкающих его к идеальному правовому мироустройству. Данное воззрение игнорирует субъективные факторы, волю человека идти по пути правового прогресса, а также другие обстоятельства, препятствующие правовому развитию. Второй важной причиной угасания веры в «правовой рай» стали серьезные трудности, с которыми столкнулись сторонники идеи восходящего правового развития в процессе формирования homo juridicus. Третья причина – стремление достичь правовой цели неправовыми средствами. В теории правового прогресса произошла подмена принципов организации и функционирования государства: вместо принципов правовой коммуникации были взяты за основу принципы политической коммуникации, что стало сдерживающим фактором для правового прогресса. Автор статьи критически переосмысливает идею восходящего правового развития человечества, формулирует предложения по созданию принципиально новой теории правового прогресса, устраняющей недостатки прежнего философского учения.

Ключевые слова: восходящее правовое развитие, правовой прогресс, правовые идеалы, правовые ценности, факторы, способствующие и препятствующие правовому развитию

Для цитирования: Архипов С. И. Теория восходящего правового развития человечества: основные недостатки и пути их устранения // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 5. С. 5–17. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_5_5.

THE THEORY OF THE ASCENDING LEGAL DEVELOPMENT OF MANKIND: THE MAIN DISADVANTAGES AND WAYS TO ELIMINATE

Arkhipov Sergey

Professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), visiting professor, Paris Nanterre (Paris, France), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0003-0154-5494, e-mail: arhip10@mail.ru.

The article analyzes the causes of the crisis of the idea of the ascending legal development (legal progress) of mankind. One of the most important reasons is the prejudice formed in the Age of Enlightenment about the inevitability of legal progress, which is based on the postulate of the inclinations inherent in nature in man, pushing him towards an ideal legal world order. This view ignores subjective factors, the human will to follow the path of legal progress, as well as other circumstances that hinder legal development. The second important reason for the fading of faith in the «legal paradise» was the serious difficulties faced by supporters of the idea of upward legal development in the process of forming homo juridicus. The third reason is the desire to achieve a legal goal by non-legal means. In the theory of legal progress, the principles of organization and functioning of the state have been replaced: instead

of the principles of legal communication, the principles of political communication were taken as a basis, which became a deterrent to legal progress. The author of the article critically rethinks the idea of the ascending legal development of mankind, formulates proposals for the creation of a fundamentally new theory of legal progress that eliminates the shortcomings of the previous philosophical teaching.

Key words: ascending legal development, legal progress, legal ideals, legal values, factors contributing and hindering legal development.

*For citation: Arkhipov S. (2024) The theory of the ascending legal development of mankind: the main disadvantages and ways to eliminate. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 5–17, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2024_5_5.*

Идея восходящего правового развития человечества (правового прогресса), ставшая в XVIII – начале XIX в. сверхидеей европейской цивилизации, своего рода светской религией Западного мира, в XX столетии постепенно потеряла свое былое значение. Одной из главных причин утраты веры в скорое наступление правовой эры человечества, на наш взгляд, стало сформировавшееся в науке и общественном сознании убеждение в неизбежности, неотвратимости правового прогресса. В основе этого предубеждения лежал постулат о заложенных природой в человеке задатках, толкающих людской род к совершенному социальному мироустройству. И. Кант и его последователи видели в этих задатках «тайный замысел природы», который должен был раскрыться в ходе исторического развития¹.

Человек, согласно данному воззрению, может и не желать правового прогресса, не стремиться к правовым идеалам, но «естественная» природа будет неизменно вести его к идеальному правовому состоянию. Такой, можно сказать, «наивно-оптимистический» взгляд на правовой прогресс стал причиной наступившего в XX в. глубокого разочарования в линейной теории правового развития, более того, отрицательного отношения к самой идее правового прогресса. Дело в том, что среди природных задатков человека есть не только те, которые способствуют правовому прогрессу (коммуникативность, альтруизм и др.), но и те, которые препятствуют ему (властолюбие, эгоизм, враждебность по отношению к чужакам). Они предполагают совершенно иной – антиправовой – сценарий социального развития, который вопреки ожиданиям сторонников линейной теории правового прогресса осуществился в XX столетии, когда идея правового прогресса, столкнувшись с негативными человеческими задатками, оказалась поверженной низменной человеческой природой².

Следуя в русле кантовских воззрений о человеческой сущности, основатели социологической науки также стремились найти основания законов социального развития в природе человека. Так, с точки зрения О. Конта, развитие человечества происходит в соответствии с естественными законами, прогресс человеческого рода есть продолжение совершенствования животного царства³. По мнению другого основателя социологии Дж. Ст. Милля, общественный прогресс определяется человеческой природой, «соединяясь в общество, люди не превращаются в нечто другое, обладающее другими свойствами... В общественной жизни люди обладают лишь такими свойствами, которые вытекают из законов природы отдельного человека и могут быть к ним

¹ См. подробнее: Архипов С. И. Представления о правовом прогрессе И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 1. С. 7–18.

² Как справедливо отметил Гегель, «христианское учение, согласно которому человек от природы зол, выше другого учения, признающего его от природы добрым; в его философском истолковании христианское учение следует понимать следующим образом. В качестве духа человек есть свободное существо, которое по своему назначению не должно допускать, чтобы его определяли природные импульсы» (Гегель Г. В. Ф. *Философия права*. М.: Мысль, 1990. С. 82). Из гегелевской интерпретации христианского учения, на наш взгляд, можно сделать два вывода: во-первых, человечеству есть, к чему стремиться в смысле нравственного совершенствования; во-вторых, поскольку человек – свободное существо, то его природные задатки непосредственно не определяют его социальное будущее, оно в конечном счете зависит не от них, а от его собственной воли.

³ См.: Архипов С. И. Законы социального развития и правовой прогресс // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12. № 2. С. 55–57. DOI: 10.35853/vestnik.gu.2024.12-2.03.

сведены»¹. Исходя из концепции Г. Л. Спенсера, социальный прогресс обусловлен естественным отбором и наследованием людьми приобретенных характеристик, одно из его ключевых положений, относящихся к эволюции животного мира и к человеку, – принцип выживания наиболее приспособленных, который представляет собой модифицированную идею естественного отбора Ч. Дарвина, борьбы живых организмов за свое существование².

Общей почвой для вышеназванных воззрений является «зоологический» подход к пониманию процессов социального развития, согласно которому человек рассматривается не как существо, наделенное свободной волей, социальный деятель, создающий собственный внешний мир, а как животное, поведение которого определяется биологическими инстинктами, элементарными физиологическими потребностями. В данном подходе заключена грубая методологическая ошибка – приложение законов низшей сферы (первой природы) к высшей, второй природе – к обществу, миру свободного духа, разума, права. Нельзя постичь логику сложных социальных процессов сквозь призму законов животного царства. В этом, на наш взгляд, заключена одна из глубинных причин кризиса линейной теории социально-правового прогресса.

Второй важной причиной угасания веры в земной «правовой рай» стали серьезные трудности, с которыми столкнулись сторонники идеи восходящего правового развития человечества в процессе формирования *homo juridicus*, человека нового типа, который должен был идти по лестнице правового прогресса к заветной цели – идеальному мироустройству. Известный постулат деятелей эпохи Просвещения, что посредством правового воспитания, нравственного убеждения, качественного образования можно сравнительно быстро изменить человека, существенно улучшить его природу, был практически опровергнут историческими реалиями XX в. Первая и Вторая мировые войны показали, что самые просвещенные, «передовые» с правовой точки зрения нации, народы в борьбе за мировое господство способны с легкостью отречься от своих правовых идеалов, отказаться от высоких нравственных ценностей во имя достижения корыстных, меркантильных интересов. Стало очевидно, что варварство – это не удел отсталых, необразованных, невоспитанных народов, что животная природа человека за два-три века кардинально не изменилась, природное существо за короткий период времени не превратилось в нравственно-правовую личность.

Некоторые социологи уже в конце XIX в. осознали сложность задачи, которую требовалось решить человечеству, избравшему путь правового прогресса. Г. Л. Спенсер, например, полагал, что человеческую природу изменить можно, но это процесс весьма долгий и нелегкий: «Большинство людей считает природу человеческую неизменной, некоторые держатся того мнения, что она способна быстро изменяться. Оба эти воззрения ошибочны. Можно достигнуть крупных изменений в ней, но только в течение многих поколений: незначительные изменения, подобные особенностям, отличающим нации между собою, требуют столетий; крупные же перемены, каково превращение эгоистической природы человека в альтруистическую, – потребуют целых эр»³.

С проблемой формирования нового человека столкнулись также сторонники другой светской религии – коммунизма. Они полагали, что человеческую природу достаточно быстро можно изменить, что в обозримой перспективе посредством марксистской идеологии и целенаправленной государственной политики можно достичь поставленной цели. Однако советский опыт построения коммунистического общества показал, что это трудноразрешимая задача. Ни христианская церковь, ни светская религия эпохи Просвещения, ни советское государство и созданная им уникальная система идеологического воздействия на индивида в целях создания «всесторонне и гармонично развитой личности» не смогли кардинально изменить природу человека.

Третья важная причина неудачи проекта создания совершенного правового общества заключается в том, что для достижения правовой цели были использованы неправовые средства. И. Кант в своих представлениях о социальном будущем исходил

¹ Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: изложение принципов доказательств в связи с методами научного исследования / пер. с англ. под ред. [и с предисл.] прив. доц. Моск. ун-та В. Н. Ивановского. 2-е изд., вновь обработ. М.: Г. А. Леман, 1914. С. 798.

² См.: Архипов С. И. Законы социального развития и правовой прогресс. С. 59.

³ Спенсер Г. Л. Соч.: в 7 т. Т. 2: Основания этики. Ч. 4–6. СПб.: Тип. «Издатель», 1899. С. 230.

из того, что государство (которое его последователи именовали «правовым») должно основываться на правовых принципах. Поскольку право для него – «совокупность условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы»¹, то правовая коммуникация предполагает в качестве исходного начала свободу участвующих в ней субъектов, а также наличие законодателя, способного совместить их произволы.

Однако кантовский проект идеального государственного устройства и современная модель правового государства основаны не на заявленных немецким философем принципах, а на иных началах. В них реализуется идея власти и подчинения, из нее выводится принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. По сути, это принципы политической, а не правовой коммуникации. Конструкция правового государства – своего рода кентавр, у которого голова правовая (поскольку авторы теории исходят из наличия в ней правовых идеалов), туловище же – политическое. Голова смотрит в одну сторону, инородное тело устремлено в другую.

Теория правового государства заимствовала у предшествующих ей средневековых учений стержневой элемент – идею суверенитета, предполагающую независимость государства от своих граждан и от мировой системы правопорядка. Антиправовая идея, рожденная в эпоху абсолютизма, стала достоянием современного политико-правового сознания. Вместе с ней и фигура Левиафана не ушла в небытие, она перекочевала в новую социальную организацию. Сторонники теории правового государства декларируют правовые идеалы, права человека, высшую ценность человеческой личности, но в системе государственного устройства человеку по-прежнему противостоит суверен, который властвует над ним, является по отношению к нему «высшим существом», господином.

Сущность современного государства осталась прежней, оно лишь ограничено в своем произволе рамками закона, но по своей природе не стало правовым. Оно не способно быть поводырем на лестнице правового прогресса, вести за собой человечество к правовому идеалу. Оно создано, чтобы властвовать, а не осуществлять идею правовой свободы, у него нет такого предназначения. В этом, на наш взгляд, заключена еще одна «ахиллесова пята» теории восходящего правового развития. Авторы данной теории полагали, что человечество уже вступило на путь правового прогресса, уже идет к заветной цели. Однако если признать, что в этой системе отсутствуют два главных действующих лица: *homo juridicus*, нацеленный на правовые идеалы, и государство, способное выполнять функцию правового лоцмана, то можно прийти к выводу о том, что человечество еще не вышло на правовой путь развития, оно все еще остается на прежней социальной орбите, в системе политического устройства, где торжествуют принципы не правовой свободы, а власти и подчинения.

Кризис идеи правового прогресса, на наш взгляд, не следует понимать как ее окончательное отторжение человечеством, как «смерть идеи». П. И. Новгородцев отмечал, что «каждый раз, когда говорят о кризисе в области идей, это может означать одно из двух: или полное крушение каких-либо прежних понятий, или их готовящееся преобразование»². Российский правовед полагал, что применительно к идее правового прогресса кризис означает не конец правовым исканиям, не отречение от прогрессивных устремлений, а поиск нового; это иная ступень в развитии нравственного сознания, она предполагает «неизбежную замену идеи конечного совершенства началом бесконечного совершенствования»³.

Критически переосмысливая идею восходящего правового развития человечества в целях ее дальнейшего преобразования, создания принципиально новой теории правового прогресса, устраняющей недостатки прежнего философского учения, можно предложить следующее.

1. Нужно отказаться от исходного постулата о неизбежности, неотвратимости социально-правового прогресса. Идея правового прогресса, как всякая правовая идея, существует в мире духа, она не вырастает из «естественной среды», из природных за-

¹ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965. С. 139.

² Новгородцев П. Кризис современного правосознания (Введение в философию права). М.: Тип. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко., 1909. С. 13.

³ Новгородцев П. Об общественном идеале (Введение в философию права). Вып. 1. 3-е изд. Киев: Тип. бр. М. и А. Заваздных, 1919. С. V.

датков человека. Природа сама по себе ничего не решает за человека, не делает выбор за него, не определяет его социальное будущее, в том числе посредством «тайного плана». Человек как существо, обладающее свободной волей, может определять свою судьбу. Правовой прогресс необходимо рассматривать как результат внутреннего, а не внешнего целеполагания. Не животные инстинкты предопределяют развитие социально-правовой сферы, а рациональное человеческое сознание, формирующееся в результате социального взаимодействия людей, их правовой коммуникации, оно позволяет им вырваться «из объятий» первой природы. Идею прогресса пора «пересадить» с естественной, природной почвы на социальную.

2. Следуя призыву П. И. Новгородцева произвести «замену идеи конечного совершенства началом бесконечного совершенствования», на наш взгляд, целесообразно вместо осуществления дальнейших попыток философского конструирования утопических проектов конечного социального мироустройства организовать процесс постоянного («бесконечного») правового совершенствования социума на научной основе, исходя из реальных потребностей людей, их правовых устремлений. Идея поставить правовой прогресс на научный фундамент означает его рационализацию, придание ему научной основательности, очищение от утопических проектов, политического волюнтаризма. В итоге он должен стать такой же социальной реальностью, как и научный прогресс¹.

Социальные утопии имеют «иррационально-религиозную» природу, проникая в общественное сознание, освободившееся от прежних верований, они заражают, «инфицируют» его новыми – светскими – верованиями, вместо образов потустороннего мира они навязывают ему иллюзии идеального социального, посюстороннего мира. Когда инфицированное утопическими идеями сознание сталкивается с социальной реальностью, с непреодолимыми препятствиями, то это становится причиной кризиса, приводит к крушению иллюзий. Но сам кризис не меняет природу общественного сознания, его религиозную основу, оно по-прежнему подвержено воздействию новых вирусных, утопических идей. Мир развивается от утопии к утопии, пережив один социальный вирус, становится заложником другого.

Философская идея восходящего правового развития человечества также относится к разряду религиозно-утопических. С одной стороны, она опирается на вполне реальные позитивные социальные качества людей, на их разум, моральные принципы, стремление к справедливому мироустройству. С другой стороны, она игнорирует прямо противоположные качества, унаследованные ими от животного царства, первой природы. Не решив важнейшей проблемы изменения природы человека, проигнорировав те трудности, препятствия, о которых говорилось ранее, сторонники этой идеи уверовали в то, что правовой прогресс – это единственный сценарий развития человеческого рода, что другого не дано. Христианско-гегелевское убеждение, что человек по натуре зол, трансформировалось в убеждение, что он, познав правовые идеалы, станет добрым. Как и в других социальных утопиях, фактор веры стал решающим в философском учении о правовом прогрессе.

Идея правового прогресса должна быть перемещена из мира утопий в мир науки. Она не может и не должна быть исключена правовой наукой из предмета своих исследований, поскольку является одной из важнейших, ключевых идей, от которых зависит будущее человечества. Без теории правового прогресса ей уготована судьба второстепенной, служебной по отношению к политике отрасли знаний. От нацеленности правовой науки на будущее, на социальный прогресс зависит ее статус, место среди других социальных наук.

Будучи эмпирической наукой, она, как заметил И. Кант, представляет собой голову, «которая может быть прекрасна, но, увы, не имеет мозга»². Идея правового прогресса, положенная в основание правовой науки, – это предпосылка для ее предметного самоопределения, она дает ей возможность выйти за рамки эмпирического учения, стать в обозримом будущем важнейшей социальной наукой. Правовая наука может

¹ Как отметил Р. Дж. Коллингвуд: «Ценность науки в плане концепции прогресса как раз и состоит в том, что она, по-видимому, представляет собой простейший и наиболее очевидный случай существования прогресса, и прогресса однозначно доказуемого» (Коллингвуд Р. Дж. *Идея истории. Автобиография*. М.: Наука, 1980. С. 318).

² Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. 2. С. 139.

и должна быть наукой социального прогресса, не абстрактным, оторванным от жизни философским учением, генерирующим заоблачные картины идеального мироустройства, а точной социально-инженерной наукой, определяющей на основе анализа конкретных жизненных интересов, потребностей, целей участников правовой коммуникации алгоритмы правового развития общества.

3. Поступательное правовое развитие общества предполагает «хирургическую» операцию по разделению политической и правовой систем. Стремление юристов объединить политическую и правовую системы в единое целое препятствует развитию правовой коммуникации, правовому прогрессу. Правовая и политическая коммуникации – это конкурирующие системы, у них разные исходные принципы и цели. Как справедливо отметил Н. Луман, объединение политики и права в единую политико-правовую систему произошло в Новое время, в результате чего закон стал основным инструментом реализации политических целей¹. Немецкий социолог полагал, что правовая система может обойтись без суверена, даже облаченного в форму правового государства, что она не нуждается в нем; формула правового государства закрепляет паразитическую связь между правом и политикой².

Путь правового прогресса и путь политического господства – два противоположных пути социального развития. В основе первого пути лежит идея свободы, равенства субъектов права и рационального совмещения их интересов; в основе второго пути – идея власти, доведенная до логического предела. У каждой из этих коммуникативных систем свои собственные предпосылки, внутренняя «логика», каждая предполагает свою всемирную социальную историю и ее конечную цель.

Переход от политического к правовому типу коммуникации – это качественно новая ступень развития человечества, сопоставимая по своему значению с переходом от негосударственного к государственному мироустройству. Это переход от иррационального к рациональному, от непредсказуемого к предсказуемому, от вражды, войн к миру, от бесконечной череды исторических случайностей к осмысленной, «руководимой», «целеустремленной» социальной истории. Он не является неизбежным, как полагали авторы линейной теории прогресса, происходит вопреки биологической природе человека. Чем дальше человечество отрывается от своих природных основ, животных инстинктов, тем в большей степени социальное развитие зависит от разума, от правового сознания людей, их правовой культуры. Степень правового развития общества, правовой прогресс можно оценить, измерить исходя из того, какой тип коммуникации является доминирующим в нем: политический или правовой. Данный критерий можно использовать в качестве наиболее общего показателя наличия правового прогресса.

4. Поступательное правовое развитие невозможно без необходимой социально-правовой инфраструктуры: правовой прогресс должен быть прогрессом социально-правовых институтов. Не оспаривая значения правового воспитания, просвещения, образования для правового развития общества, надо признать, что без соответствующей правовой среды, без успешно функционирующих правовых институтов все попытки создания *homo juridicus* обречены на провал. Правовое воспитание, просвещение, образование должны иметь под собой реальную правовую основу. Для этого должны быть созданы такие организационные структуры, которые обеспечивают правовую коммуникацию, жизнедеятельность общества на основе правовых принципов.

Первым и важнейшим среди правовых институтов выступает орган, создающий правовые законы. В политической коммуникации закон, как уже отмечалось ранее, служит политическим целям, является инструментом системы политического властвования. По сути, юристы оказались вытеснены из сферы законотворчества, не они определяют содержание законов, им доверено лишь оформление политической воли. Н. Луман прав в том, что закон не принадлежит юристам, у правового сообщества осталась лишь одна цитадель – юстиция, но и она постепенно утрачивает свою независимость, становится служительницей государственной (политической) власти. Процесс деградации правосудия заметен не только в континентальной Европе, в системе романо-германского права, но и в странах англосаксонского права, где традиционно были прочны традиции справедливого и объективного суда.

¹ Luhmann N. Law as a social system. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 357, 363.

² Ibid. P. 365, 371.

Юристы, призванные быть главной движущей силой правового прогресса¹, оказались в настоящее время в основной своей массе по другую сторону «баррикады», предпочитают служить не правовой свободе, а власти. Судьи, следователи, прокуроры, депутаты законодательных собраний являются государственными служащими, входят в систему политического властвования. Выбирая между правовыми идеалами и службой суверену, они делают выбор в пользу служения суверену. Для них право – это не «искусство добра и справедливости», каким оно было для римских юристов, а нормативная система, созданная в целях осуществления государственной власти. Это еще одна причина кризиса идеи восходящего правового развития человечества, фактор, который существенно сдерживает правовой прогресс, не способствует созданию правовой инфраструктуры.

Чтобы юристы могли вернуть себе утраченную ими профессию, вновь оказаться на лестнице правового прогресса, служить праву, необходимо преобразовать существующие институты правотворческой и судебной деятельности. Они должны быть деполитизированы, функционировать на основе принципов правовой коммуникации: равенства, свободы и совмещения интересов всех участников отношений.

Если оценить в ретроспективе наиболее успешный опыт организации и осуществления правотворческой деятельности, то прежде всего следует обратить внимание на то, как ее осуществляли римские юристы, поскольку именно ими была создана «совершеннейшая, какую мы только знаем, форма права»². Не обладая ни законодательной, ни судебной властью, они уже в период республики своими толкованиями, разъяснениями действующих норм оказывали существенное влияние на систему права, а в эпоху принципата после предоставления императором Августом некоторым из них известной привилегии *jus respondendi* – права давать от его имени участникам судебного разбирательства юридическое заключение по делу, имеющее для судьи обязательное значение, – их роль в формировании римского права многократно возросла.

Их мнениям, особенно когда они совпадали с мнениями других обладателей данного права, приписывалась сила «как бы закона»³. Нормативная сила мнений римских юристов, как полагает Д. В. Дождев, «основана на профессиональном знании, природа их власти технократическая»⁴. Но дело не только в технической стороне, в стремлении профессионально осуществить свою деятельность. Как отмечал Р. Иеринг, «право было для них (римских юристов. – С. А.) более, чем простым источником умственного наслаждения и удовольствия, оно было для них предметом нравственного возношения»⁵. Для них «право не есть убеждение, мнение, знание и т. д., короче, не есть умственная сила, но нравственная»⁶. Р. Иеринг в отличие от ряда современных исследователей оценивал развитие римского права не как процесс простого технического совершенствования (Д. В. Дождев, М. Таламанка и др.), а как нравственно-правовой прогресс. Это мнение авторитетного немецкого правоведа вполне согласуется с утверждениями самих римских юристов: Цельса, Ульпиана, Павла, причислявших себя к священнослужителям права, жрецам, возвещающим понятия доброго и справедливого⁷.

¹ См.: Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА; Изд-во Гуманитарного ун-та, 1996. С. 210–212.

² Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 30 т. 2-е изд. Т. 20. М.: Политиздат, 1961. С. 105.

³ Покровский И. А. История римского права. 3-е изд., испр. и доп. Пг.: Изд. юрид. кн. кл. «Право», 1917. С. 147.

⁴ Дождев Д. В. Римское частное право: учеб. для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2003. С. 106.

⁵ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1875. С. 283.

⁶ Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. С. 284. Свою точку зрения о нравственных основаниях римской юриспруденции Р. Иеринг отстаивал также в других работах. В монографии «Цель в праве» немецкий ученый отметил, что «звание юрисконсульты (*jurisconsultus*) исключает собою всякую идею о вознаграждении», в отличие от греческих учителей, готовых за деньги оказывать любую услугу, «юрист с римским именем (*jurisconsultus*), юрист римского стиля, человек науки, который твердо держится древнеримских традиций, относится с презрением к обращению науки в источник приобретения и сам всегда безвозмездно готов к услугам каждого» (Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1. СПб.: Изд. Н. В. Муравьева, 1881. С. 85, 88).

⁷ Дигесты Юстиниана: избр. фрагменты в пер. и с примеч. И. С. Перетерского. М.: Наука, 1984. С. 23, 25.

Для России, отечественного правового сознания опыт римских юристов и их отношение к праву как нравственному явлению имеет особое значение. Право в российской культуре всегда оценивалось не с технической, а с нравственной стороны, для русского человека была важна нравственная правота. Если в современной западной правовой культуре главной была и остается экономическая сторона прогресса, то для России – духовная. Поэтому для нас важно возродить дореволюционную традицию нравственно-правового служения отечеству, заложенную М. М. Сперанским и его последователями.

В организационном плане, на наш взгляд, в целях осуществления постепенного перехода от непрофессионального (политического) к профессиональному (юридическому) правотворчеству целесообразно предусмотреть возможность непосредственного участия основных правовых школ (научных и образовательных учреждений) и наиболее авторитетных юристов России в процессе правотворческой деятельности. Такое участие может осуществляться без изменения существующего порядка формирования законодательного органа (форма внешнего участия) и с его изменением (форма внутреннего участия), когда часть законодательного собрания формируется по прежним правилам, другая часть (профессиональные юристы) избирается на конкурсной основе правовым сообществом. Форма внешнего участия как наиболее простая, не требующая кардинальных преобразований, на первом этапе перехода представляется более предпочтительной, чем внутренняя.

Форма внешнего участия имеет целью осуществление принципа производства «правовых сапог» профессиональным сапожником, функция же законодательного органа заключается в том, чтобы определить, подходит или нет изготовленный «товар» будущим пользователям и в случае готовности принять работу. Как в свое время заметил Гегель, «не надо быть сапожником, чтобы знать, годятся ли башмаки, не надо быть специалистом, чтобы обладать знаниями о предметах, представляющих собой общий интерес»¹. Депутаты, представляющие различные регионы страны и разные слои населения, хотя и не являются по общему правилу профессионалами в юридической сфере, но знают интересы своего электората и могут оценить качество правового «товара». Главная их задача заключается в том, чтобы определить, соответствует ли разработанный юристами проект закона целям их избирателей и совмещены ли при этом интересы всех участников регулируемых им отношений. Правовой закон, как и удачное техническое устройство, должен быть пригодным для всех.

Форма внутреннего участия предполагает вхождение профессиональных юристов в состав законодательного органа. Главная цель состоит не в том, чтобы юристы осуществляли профессиональную опеку над «слугами народа», оказывали им необходимую юридическую помощь. Гораздо важнее, чтобы в законодательном органе соединились два противоположных начала: консервативно-рациональное, обеспечивающее стабильность и преемственность, и прогрессивно-новаторское, побуждающее к движению. Соединение этих двух противоположных начал, как полагал Р. Иеринг, обеспечило Риму «характер общего, планообразного, непрерывного прогресса»².

Правовая система только тогда будет прогрессировать, когда окажется способной, «научится» использовать социально-правовые конфликты для своего саморазвития. То, что для других правовых цивилизаций стало причиной саморазрушения, для Древнего Рима – импульсом дальнейшего развития. В этом, надо полагать, была великая заслуга римских юристов. Памятуя о «горьком» опыте разрушения в XX столетии в России двух государственных и правовых систем (1917 и 1991 гг.), нам особенно важно учесть опыт Рима. Должен быть создан такой правовой механизм, который обеспечивает самосохранение социальной системы в условиях самых жестких конфликтов. И здесь главная роль должна принадлежать законодателю. Профессиональные юристы в законодательном органе должны быть той умиротворяющей силой, которая способна разрешать социальные конфликты, находить выходы из самых сложных правовых ситуаций.

Кроме того, есть еще два важных аспекта, которые необходимо учитывать при включении в состав законодательного органа профессиональных юристов.

¹ Гегель Г. В. Ф. Указ. соч. С. 253.

² Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. С. 288.

Первый аспект касается прогнозирования законодателем последствий принимаемых им решений. По мнению Н. Лумана, необходимо противодействовать «иллюзии контроля», присущей лицам, участвующим в законотворческом процессе, современным правовым системам не хватает осознания социальных рисков: «...риск принятия решений и связанная с этим опасность для других становятся нерешенной юридической проблемой»¹. По убеждению немецкого социолога, следует задуматься о решении этой проблемы, правовая система принимает на себя риски, когда у нее отсутствуют методы и процедуры для их оценки².

В праве рациональность традиционно рассматривается как рациональность законодателя, но рациональность законодателя, его способность прогнозировать социальные последствия своей правотворческой деятельности вызывает великие сомнения. Одна из важнейших задач профессиональных юристов в случае их вхождения в состав законодательного органа должна заключаться в прогнозировании социальных рисков, для чего необходимо, как правильно заметил Н. Луман, разработать методы и процедуры их оценки.

Второй аспект касается функционирования права как единой, целостной системы. Непрофессиональный законодатель в силу отсутствия у него необходимых знаний, представлений о структурных элементах правовой системы, сформировавшихся связях между ними, закономерностях их развития не способен обеспечить системное единство права. Для него неосуществима задача определения стратегии правового развития, установления необходимости формирования новых институтов, отраслей права, других структурных элементов, что является сложным делом даже для профессионального юриста. Для этого нужен коллективный правовой «мозг», способный оценить правовое состояние общества, интересы, потребности различных социальных групп, прогнозировать правовое будущее. Нужна такая организационная структура, постоянный или временный интеллектуально-прогностический центр, который сможет выполнить эту миссию.

Не менее сложной задачей выступает реформирование судебной системы. Это второй правовой институт, который влияет на правовой прогресс. В системе правосудия, как и в системе правотворчества, «главное Зло нашего состояния права, – отмечал Ф. К. Савиньи, – заключается в постоянно растущем разделении между теорией и практикой... и выход из этого затруднительного положения можно усматривать только в восстановлении их естественного единства. Как раз в этом нам может помочь римское право, если мы пожелаем им верно воспользоваться»³. Для Ф. К. Савиньи римское право было тем образцом, эталоном совершенства, которое следовало брать за основу современным юристам. Он, как и Р. Иеринг, исходил при этом не из чисто технической стороны, для него главным был дух римского права; отсюда цель права – свободное и нравственно ценное развитие человека⁴.

Ф. К. Савиньи полагал, что средством сближения теории и практики может быть рациональный обмен между юридическими факультетами и судебными инстанциями, привлечение талантливых, способных людей к судебной деятельности. Но он видел и опасность, которая подстерегает юристов-преподавателей на этом пути: юридические факультеты как коллегии по вынесению решений становятся правовыми фабриками, их работа превращается в ремесленную, наука теряет при этом свои лучшие силы. Таким образом, отрыв судебной системы от правовой науки – это одна крайность, наука в качестве судебной инстанции – другая крайность. Отсюда вновь возникает вопрос: как обеспечить единство теории с практикой и их общий прогресс?

На наш взгляд, поставленная немецким юристом проблема не решается путем механического перелива из одного «сосуда» в другой. Ученый, преподаватель права, попадая в судебную систему, становится элементом этой системы, государственным чиновником. Подобно тому, как римские юристы поздней классической эпохи, де-

¹ Luhmann N. Op. cit. P. 473.

² Ibid. P. 474.

³ Савиньи Ф. К. Система современного римского права // Савиньи Ф. К. Система современного римского права: в 8 т. Т. 1. М.: Статут, 2011. С. 262.

⁴ Рюккерт И. Предисловие к русскому изданию «Системы современного римского права» Ф. К. Фон Савиньи // Савиньи Ф. К. Система современного римского права. Т. 1. С. 252.

лавшие выбор в пользу служения государственной власти, становились заложниками своего выбора, так и современные правоведы, делающие выбор в пользу судебной системы, вынуждены разменивать дух правовой свободы на дух государственной службы, чиновничий дух.

Реализуемая на практике идея суда как органа государственной, политической власти есть препятствующая поступательному правовому развитию общества идея. Чтобы дух свободы стал достоянием системы правосудия, необходимо вернуться к исходным правовым принципам, началам: объективности, беспристрастности суда, его независимости от всех участников правовой коммуникации, включая государство. Суд присяжных – лишь первый шаг на пути к искомой цели, его создание было важной вехой на этом пути, но это не решило всех проблем.

Главная из них – зависимость профессиональных судей от суверена, его воли. Когда в Западной Европе, в частности во Франции, судьи объявляют забастовку, выражая тем самым протест государству в связи с нерешенностью проблем с оплатой их труда и чрезвычайной судебной нагрузкой, то их протест – лучшее свидетельство отсутствия независимости суда от государственной власти; судьи в современной правовой системе становятся своего рода юридическим пролетариатом, наемными работниками государства.

Государственная власть не заинтересована в независимом суде, в этом корень проблемы, которая, по нашему убеждению, в ближайшей перспективе не будет решена. Чтобы судьи были действительно независимыми от государства, ими должна быть создана самоуправляемая корпорация, взаимодействующая с государством на договорной, взаимовыгодной основе. Ее финансовая автономия могла бы основываться на получении ею пошлины за рассмотрение гражданских дел и частично – за счет компенсации государством расходов за рассмотрение уголовных дел, а также других дел, по которым законом не предусматривается взимание пошлины. Вопросы внутреннего устройства, функционирования судебной корпорации должны регулироваться самой корпорацией (съездом судей и иными органами).

Государство в своем правовом отношении с корпорацией судей может выступать в качестве заказчика судебных услуг, корпорация – их исполнителя. Правила осуществления услуг, требования, предъявляемые к ним, юридические гарантии для участников судебного процесса в данной модели правовых отношений должен определять законодатель. Государство, если оно не удовлетворено качеством судебной деятельности, может учредить другую корпорацию – конкурента существующей организации судей.

Еще раз подчеркнем, что предлагаемая модель отношений государства с судебным корпусом в современных условиях доминирования в обществе политической формы коммуникации едва ли осуществима, она предполагает совершенно иной тип социального общения, основанный на других коммуникативных принципах. Но если воспользоваться рецептом И. Канта, который он предложил применительно к своему проекту всеобщего мира, чтобы «не все было потеряно», то можно на ее основе сделать «негативный суррогат»¹, позволяющий начать движение в сторону объективного правосудия.

Третий важнейший социально-правовой институт, от которого зависит правовой прогресс общества, – система юридического образования. Без «кузницы правовых кадров» невозможно поступательное развитие правотворчества, правосудия, всей правовой системы, да и само их существование. В ней генерируются основные правовые идеи, формируются образы правового будущего, создаются теоретические концепции, на основе которых осуществляются правовые реформы.

Если оценивать состояние юридического образования в странах Запада и в России, которая более 30 лет шла в фарватере западных идей, то можно отметить то обстоятельство, что идея правового прогресса постепенно перестала быть важнейшей, «путеводной» для юридического сознания. Начиная с XX в. она больше не относится к числу основополагающих, главных для правового образования, которое все боль-

¹ Кант И. К вечному миру. Философский проект // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. А. В. Гулыги. М.: Чоро, 1994. Т. 7. С. 22.

ше приобретает прикладной характер, нацелено на изучение действующих законов, нормативных актов (романо-германское право), прецедентов (англосаксонское).

Тот мощный энергетический заряд, который имела французская юридическая наука в XVIII – начале XIX в. (Ш. Л. Монтескье, Р. Ж. Потье, Ж. Э. М. Порталис и др.) и немецкая в XIX в. (Ф. К. Савиньи, Г. Ф. Пухта, Р. Иеринг и др.), давно иссяк. Современная западная юриспруденция, а также система образования, как и вся Западная цивилизация, оказались, как справедливо заметил Г. Д. Берман, в ситуации «беспрецедентного кризиса правовых ценностей и правовой мысли, кризиса, в котором ставится под сомнение вся наша традиция права – не только так называемые либеральные концепции последних нескольких столетий, но сама структура западного правового порядка»¹.

В этой непростой ситуации для российской юридической науки и для западных правоведов необходимо основательное, глубокое изучение внутренних закономерностей развития правовой сферы, исследование причин возникновения глобального кризиса Западной цивилизации, путей выхода из него. Необходимо выйти за рамки эмпирической реальности, заглянуть за правовой горизонт, определить перспективы развития общества. Надо не только юридическую науку, но и всю систему юридического образования нацелить на правовой прогресс. Тогда, возможно, осуществится заветная мечта Ф. К. Савиньи о том, что сословие юристов вновь станет субъектом «живого» права, т. е. «истинного прогресса», и «мы сможем римское право оставить в истории, а у нас будет не слабое подражание римскому образованию, а свое собственное и новое образование»².

Наконец, четвертый наиважнейший институт, от которого зависит правовое будущее человечества, – это система международного права и обеспечивающих его функционирование организационных структур. По мысли И. Канта, международное право, созданное для суверенных государств, должно в конечном счете трансформироваться в общечеловеческое право (*cosmopolitan law*). Для немецкого философа достижение человечеством состояния всеобщего мира – это одна из стратегических правовых целей на пути исторического прогресса.

К сожалению, человечество за последние 30 лет не приблизилось к осуществлению этой цели, напротив, отдаляется от нее. Борьба США за мировую гегемонию, демонтаж сложившейся после Второй мировой войны системы международной безопасности, отказ отдельных стран от соблюдения основополагающих принципов международного права привели к тому, что угроза возникновения нового глобального военного конфликта, третьей мировой войны становится все более реальной. В этих условиях едва ли стоит уповать на то, что «естественный» процесс культурно-правовой эволюции человечества приведет нас рано или поздно ко всемирному гражданскому состоянию.

Без целенаправленной, упорной борьбы участников международно-правовой коммуникации за всеобщий мир конечная цель, на наш взгляд, не может быть достигнута. Необходимо создание новой стратегии развития и нового проекта международно-правового союза государств, учитывающего интересы всех участников международных отношений. От юридического сообщества потребуются новые идеи взамен прежних, иные правовые концепции, учитывающие современные реалии, появление новых полюсов, центров силы, создание правовых механизмов и организационных структур, обеспечивающих мирное сосуществование этих центров силы, ненасильственное разрешение возникающих между ними конфликтов.

Нужна такая теория правового прогресса, в которой предусматривается постепенный переход от политического типа межгосударственной, международной коммуникации с разделением государств на тех, кто правит миром, и на их вассалов к типу коммуникации, основанному на принципах равенства и свободы. У сословия юристов есть возможность перехватить инициативу у философов в разработке концепции всеобщего мира, принципиально иной – неполитической – модели всемирного устройства, устанавливающей новый вектор социального развития человечества.

¹ Берман Г. Д. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М.: ИНФРА-М-Норма, 1998. С. 48.

² Савиньи Ф. К. О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции // Савиньи Ф. К. Система современного римского права. Т. 1. С. 194.

Список литературы

Архипов С. И. Законы социального развития и правовой прогресс // Вестник Гуманитарного университета. 2024. Т. 12. № 2. С. 50–64. DOI: 10.35853/vestnik.gu.2024.12-2.03.

Архипов С. И. Представления о правовом прогрессе И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. № 1. С. 7–18.

Берман Г. Д. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М.: ИНФРА-М-Норма, 1998. 624 с.

Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.

Дигесты Юстиниана: избр. фрагменты в пер. и с примеч. И. С. Перетерского. М.: Наука, 1984. 456 с.

Дождев Д. В. Римское частное право: учеб. для вузов. 2-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2003. 784 с.

Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1. СПб.: Тип. В. Безобразова и комп., 1875. 309 с.

Иеринг Р. Цель в праве. Т. 1. СПб.: Изд. Н. В. Муравьева, 1881. 412 с.

Кант И. К вечному миру. Философский проект // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. / под общ. ред. А. В. Гулыги. М.: Чоро, 1994. Т. 7. С. 5–56.

Кант И. Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4. Ч. 2. 478 с.

Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980. 486 с.

Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной: изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования / пер. с англ. под ред. [и с предисл.] прив. доц. Моск. ун-та В. Н. Ивановского. 2-е изд., вновь обработ. М.: Г. А. Леман, 1914. 880 с.

Новгородцев П. Кризис современного правосознания (Введение в философию права). М.: Тип. т-ва И. Н. Кушнерев и Ко., 1909. 394 с.

Новгородцев П. Об общественном идеале (Введение в философию права). Вып. 1. 3-е изд. Киев: Тип. бр. М. и А. Заваздных, 1919. 343 с.

Покровский И. А. История римского права. 3-е изд., испр. и доп. Пг.: Изд. юрид. кн. скл. «Право», 1917. 430 с.

Рюккерт И. Предисловие к русскому изданию «Системы современного римского права» Ф. К. Фон Савиньи // Савиньи Ф. К. Система современного римского права: в 8 т. Т. 1. М.: Статут, 2011. С. 248–254.

Савиньи Ф. К. О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции // Савиньи Ф. К. Система современного римского права: в 8 т. Т. 1. М.: Статут, 2011. С. 128–207.

Савиньи Ф. К. Система современного римского права // Савиньи Ф. К. Система современного римского права: в 8 т. Т. 1. М.: Статут, 2011. С. 247–499.

Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА; Изд-во Гуманитарного ун-та, 1996. 313 с.

Спенсер Г. Л. Соч.: в 7 т. Т. 2: Основания этики. Ч. 4–6. СПб.: Тип. «Издатель», 1899. 266 с.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 30 т. 2-е изд. Т. 20. М.: Политиздат, 1961. С. 1–338.

Luhmann N. Law as a social system. Oxford: Oxford University Press, 2004. 498 p.

References

Arkipov S. I. (2018) Predstavleniya o pravovom progresse I. Kanta i G. V. F. Gegelya [I. Kant's and G. W. F. Hegel's views on legal progress]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 1, pp. 7–18.

Arkipov S. I. (2024) Zakony sotsial'nogo razvitiya i pravovoi progress [Laws of Social Development and Legal Progress]. In *Vestnik Gumanitarnogo universiteta*, vol. 12, no. 2, pp. 50–64. DOI: 10.35853/vestnik.gu.2024.12-2.03.

Berman G. D. (1998) *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya* [The Western tradition of law: the era of formation], 2nd ed. Moscow, INFRA-M-Norma, 624 p.

Dozhdev D. V. (2003) *Rimskoe chastnoe pravo: uchebnik dlya vuzov* [Roman Private Law: textbook for universities], 2nd ed., revised and add. Moscow, Norma, 784 p.

Engel's F. (1961) Anti-Dyuring [Anti-Dühring]. In Marks K., Engel's F. *Sochineniya: in 30 vols.* 2nd ed. Moscow, Politizdat, vol. 20, pp. 1–338.

Gegel' G. V. F. (1990) *Filosofiya prava* [The philosophy of law]. Moscow, Mysl', 524 p.

Iering R. (1875) *Dukh rimskogo prava na razlichnykh stupenyakh ego razvitiya. Ch. 1* [The spirit of Roman law at various stages of its development. Part 1]. Saint-Petersburg, Tipografiya V. Bezobrazova i komp., 309 p.

Iering R. (1881) *Tsel' v prave. T. 1* [The goal is in the law]. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo N. V. Murav'eva, 412 p.

Kant I. (1965) *Sochineniya: in 6 vols.* [Writings: in 6 vols]. Moscow, Mysl', vol. 4, part 2, 478 p.

Kant I. (1994) K vechnomu miru. Filosofskii proekt [To eternal peace. The philosophical aspect]. In Kant I. *Sobranie sochinenii: in 8 vols.*, ed. by A. V. Gulyga. Moscow, Choro, vol. 7, pp. 5–56.

Kollingvud R. Dzh. (1980) *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The idea of the history. Autobiography]. Moscow, Nauka, 486 p.

Luhmann N. (2004) *Law as a social system*. Oxford, Oxford University Press, 498 p.

Mill' Dzh. St. (1914) *Sistema logiki sillogisticheskoi i induktivnoi: izlozhenie printsipov dokazatel'stva v svyazi s metodami nauchnogo issledovaniya* [The system of syllogistic and inductive logic: a statement of the principles of proof in connection with the methods of scientific research], transl., ed. by V. N. Ivanovskii, 2nd ed., newly processed. Moscow, G. A. Leman, 880 p.

Novgorodtsev P. (1909) *Krizis sovremennogo pravosoznaniya (Vvedenie v filosofiyu prava)* [The Crisis of modern legal awareness (Introduction to the Philosophy of Law)]. Moscow, Tipografiya tovarishchestva I. N. Kushnerev i Ko., 394 p.

Novgorodtsev P. (1919) *Ob obshchestvennom ideale (Vvedenie v filosofiyu prava)* [On the Social Ideal (Introduction to the Philosophy of Law)], is. 1, 3rd ed. Kiev, Tipografiya brat'ev M. i A. Zavazdnykh, 343 p.

Pereterskii I. S. (Ed.) (1984) *Digesty Yustiniana* [Justinian's Digest]. Moscow, Nauka, 456 p.

Pokrovskii I. A. (1917) *Istoriya rimskogo prava* [History of Roman law]. 3rd ed., revised and add. Petrograd, Izdatel'stvo yuridicheskogo knizhnogo sklada «Pravo», 430 p.

Ryukkert I. (2011) Predislovie k russkomu izdaniyu «Sistemy sovremennogo rimskogo prava» F. K. Fon Savin'i [Preface to the Russian edition of the «System of Modern Roman Law» by F. K. Von Savigny]. In Savin'i F. K. *Sistema sovremennogo rimskogo prava: in 8 vols*. Moscow, Statut, vol. 1, pp. 248–254.

Savin'i F. K. (2011) O prizvanii nashego vremeni k zakonodatel'stvu i yurisprudentsii [On the vocation of our time to legislation and jurisprudence]. In Savin'i F. K. *Sistema sovremennogo rimskogo prava: in 8 vols*. Moscow, Statut, vol. 1, pp. 128–207.

Savin'i F. K. (2011) *Sistema sovremennogo rimskogo prava* [The system of modern Roman law]. In Savin'i F. K. *Sistema sovremennogo rimskogo prava: in 8 vols*. Moscow, Statut, vol. 1, pp. 247–499.

Semitko A. P. (1996) *Razvitie pravovoi kul'tury kak pravovoi progress* [The development of legal culture as legal progress]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo UrGYuA, Izdatel'stvo Gumanitarnogo universiteta, 313 p.

Spenser G. L. (1899) *Sochineniya: in 7 vols. Vol. 2: Osnovaniya etiki. Ch. 4–6* [Writings: in 7 vols. Vol. 2: The foundations of ethics. Parts 4–6]. Saint-Petersburg, Tipografiya «Izdatel'», 266 p.

СТАНОВЛЕНИЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ ИРКУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1920-е гг.: Г. Ю. МАННС И Г. Г. МАГУЛЬЯНО¹

Путинцев Андрей Владимирович

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань), ORCID: 0000-0001-7406-2851, e-mail: chiefdom@yandex.ru.

Статья посвящена историографическому анализу раннего этапа становления региональной научной школы криминологии в Иркутском государственном университете в 1920-е гг. Методологическая часть статьи содержит описание авторского подхода к научной школе как к феномену, требующему комплексного восприятия и применения различных методов научного познания. В описательно-аналитической части исходя из историографической, источниковедческой и функциональной перспектив анализируется творчество лидера школы Г. Ю. Маннса и его коллеги Г. Г. Магульяно. На материале тематически близких исследований показано сходство подходов и своеобразие этих авторов, их взаимодействие. Обосновано, что Г. Г. Магульяно, несмотря на сравнительно меньшую известность, внесла значительный вклад в криминологические исследования.

Ключевые слова: преемственность в юриспруденции, Иркутский государственный университет, преступность несовершеннолетних, история криминологии, локальная преступность, науковедение, научные школы

Для цитирования: Путинцев А. В. Становление криминологической школы Иркутского государственного университета в 1920-е гг.: Г. Ю. Маннс и Г. Г. Магульяно // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 5. С. 18–26. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_5_18.

ORIGINS OF THE CRIMINOLOGICAL SCHOOL OF IRKUTSK STATE UNIVERSITY IN THE 1920^s: G. YU. MANNS AND G. G. MAGULIANO²

Putintsev Andrey Vladimirovich

Senior Lecturer, Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0001-7406-2851, e-mail: chiefdom@yandex.ru.

The article is devoted to the historiographic analysis of the early stage of the formation of the regional scientific school of criminology at the Irkutsk State University in the 1920^s. The methodological part of the article contains a description of the author's approach to the scientific school as a phenomenon that requires a comprehensive perception and application of various methods of scientific knowledge. In the descriptive and analytical part, based on the historiographic and functional perspectives, the work of the leader of the school G. Yu. Manns and his colleague G. G. Maguliano is analyzed. Based on the material of thematically close studies, the similarity of approaches and originality of these authors, their interaction are shown. It is substantiated that G. G. Maguliano, despite her comparatively lesser fame, made a significant contribution to criminological research.

¹ Автор благодарит Научную библиотеку Иркутского государственного университета им. В. Г. Распутина и лично Шахнович Алефтину Геннадьевну за неоценимую помощь в доступе к источникам, без которой это исследование не могло бы состояться.

² The author thanks the Scientific Library of Irkutsk State University named after V. G. Rasputin and personally Shakhnovich Alefina Gennadievna for their invaluable help in accessing the sources, without which this research could not have taken place.

Key words: continuity in jurisprudence, Irkutsk State University, juvenile delinquency, history of criminology, local crime, science studies, scientific schools

*For citation: Putintsev A. (2024) Origins of the criminological school of Irkutsk State University in the 1920s: G. Yu. Manns and G. G. Maguliano. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu juridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 18–26, DOI: http://doi.org/10.34076/22196838_2024_5_18.*

Научная школа как объект исследования требует комплексного подхода к реконструкции и подразумевает комбинацию историографического, источниковедческого, биографического, конкретно-исторического и структурно-функционального подходов. В рамках историографического подхода анализу подлежит массив научных текстов, созданных участниками научной школы. Источниковедческий подход требует сбора и оценки не только историографических, но и иных источников, их анализа для извлечения информации о деятельности научной школы. Биографический (портретный) взгляд фокусируется на личностях исследователей, конкретно-исторический подход вписывает деятельность научной школы в исследовательское и социальное пространство и время, позволяет выделить различные периоды в существовании школы, чтобы на каждом из них выявить систему факторов, повлиявших на развитие научной мысли. Все эти подходы используются в истории политических и правовых учений, также способной выступать ориентиром для отраслевой историографии.

В отдельной оговорке нуждается структурно-функциональный подход. Мы склонны согласиться с Е. О. Акишиной и Н. И. Мартишиной, которые со ссылкой на В. Б. Гасилова под научной школой понимают сообщество ученых разных статусов, компетенции и специализации, координирующих под руководством лидера свою исследовательскую деятельность, внесших вклад в реализацию и развитие исследовательской программы и способных активно представлять и защищать цели и результаты программы¹. Это отличает ее от других форм организации коллективного научного знания. В связи с этим ученые, образующие школу, выполняют (стихийно или организованно) конкретные функции в реализации исследовательской программы. Наибольший исследовательский интерес вызывают признанные лидеры научных школ, однако реконструирование взаимоотношений коллектива ученых, связей между ними и с представителями других научных школ, распределения ролей в реализации исследовательских программ, возможной борьбы за лидерство и т. д., как нам кажется, должно стать своеобразным конвенционально признанным стандартом исследования научных школ, в том числе в юриспруденции. Разумеется, такой подход не противоречит другим, упомянутым выше, напротив, реализуется через их сочетание.

Немаловажно, что научные школы – это обладающие сложной структурой и динамично развивающиеся объекты исследования. В одном исследовательском учреждении и даже на одной кафедре могут смениться несколько научных школ в рамках одной и той же дисциплины на разных этапах истории. Вместе с тем одна и та же школа может обновляться, демонстрируя своего рода «непрерывный стаж» развития через поколения. Таким образом, фокус внимания при исследовании научных школ должен быть смещен с констатации известности ученых, их текстов и их вклада в науку на реконструкцию структуры и механизмов функционирования научной школы.

В рамках настоящей статьи будет предпринята попытка анализа школы криминологии в Иркутском государственном университете (далее – ИГУ) в 1920-е гг. с точки зрения историографии. Статья решает две задачи: методолого-демонстрационную, позволяющую на относительно простом материале (взаимодействие всего лишь двух ученых) продемонстрировать применение предлагаемого подхода к научным школам, и описательно-аналитическую, поскольку вносит свой скромный вклад в изучение истории криминологической науки.

Ввиду фокуса исследования на раннем этапе формирования научной школы и ограниченного объема публикации было принято решение оставить в стороне криминологические сюжеты, которые развивались отдельно каждым из ученых-крими-

¹ Акишина Е. О., Мартишина Н. И. Научная школа: сущность, статус, возможности регулирования // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 3. С. 77.

нологов ИГУ, и сконцентрироваться на отражающих функциональное взаимодействие между ними параллелях и пересечениях.

Проект университетского образования в Иркутске достаточно неожиданно реализовался именно в 1918 г. В обстановке революции и последовавшей Гражданской войны относительно спокойный Иркутск являлся местом, способным предложить для научной деятельности и личной безопасности более благоприятные условия, чем сложившиеся в Российской империи университетские центры. Последние выступали донором кадров, этот феномен достаточно подробно изучен¹. Г. Ю. Маннс, первый экстраординарный профессор по кафедре уголовного права и судопроизводства ИГУ, получил образование в Императорском Казанском университете. Г. Ю. Маннс и при жизни, и впоследствии считался ученым всероссийского масштаба, имя Гали (по иным сведениям – Галии) Григорьевны Магульяно, напротив, известно в основном лишь узким специалистам.

Неудивительно, что при применении биографического (портретного) метода, безусловно, подчеркивает роль Г. Ю. Маннса как более авторитетного ученого, позволяя охарактеризовать его функциональные отношения с Г. Г. Магульяно по модели «учитель – ученик»², «лидер научной школы – ассистент». Их творчество неоднократно становилось объектом научного анализа, в частности в исследованиях В. Н. Казарина³. Опираясь на первоисточники и указанные работы, применяя сравнительный историографический и источниковедческий анализ, сфокусируемся на сведениях о характере функциональных связей между этими учеными, которые можно почерпнуть из их опубликованных работ.

Предметом нашего анализа выступят две пары тематически близких публикаций: во-первых, по проблемам криминогенной обстановки и статистики в Иркутске в 1920 г. (Г. Ю. Маннс) и в 1921 г. (Г. Г. Магульяно), во-вторых, по проблеме противодействия преступности несовершеннолетних (Г. Г. Магульяно, 1926 г., Г. Ю. Маннс, 1927 г.). Также в анализ включены работы, которые несколько условно можно охарактеризовать как исследования по общей теории сбора уголовной статистики: «Понятие и объем моральной статистики» (1926 г.) Г. Г. Магульяно и «Программа по собиранию материала о народных воззрениях и юридических обычаях в области уголовного права и суда туземных народностей Сибири» (1925 г.) Г. Ю. Маннса.

О существовании школы может говорить переключка предметов, методов исследования, отдельных микропроблем, иллюстративного материала двух исследователей, при этом, если школа действительно существует, эти элементы в чем-то будут совпадать, а в чем-то – различаться.

Сравнение предметной тематики работ дает следующие результаты. В области локальной криминологической ситуации Г. Г. Магульяно подхватила и развила разработки Г. Ю. Маннса. Вместе с тем первенство в специальном криминологическом исследовании ювенальной преступности в ИГУ принадлежит именно Г. Г. Магульяно, однако Г. Ю. Маннс расширил пределы исследования до уровня всего Сибирского края. Нужно отметить, что тогда активно развивался исследовательский фронт профилактики преступности несовершеннолетних, что встраивает исследования иркутян во всесоюзное научное движение, поэтому в перспективе данные источники мо-

¹ См., например: *Казарин В. Н.* Влияние Казанской правовой школы на формирование и развитие юридического образования и науки в Иркутском университете // *Сибирский юридический вестник*. 2011. № 2. С. 3–16; *Его же.* Ученые-юристы в панораме эпохи: транзит Казань – Иркутск – Свердловск. Первая треть XX в. // *Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу»*. 2023. № 6. С. 14–24.

² Н. Н. Зипунникова и А. В. Калинина приводят важные для понимания этой связи сведения, согласно которым Г. Г. Магульяно обучалась у Г. Ю. Маннса на первом году существования ИГУ, в частности в рамках семинаров и кружка по криминалистике готовила доклад на тему «Малолетние преступники», которая позднее станет ее специальным научным интересом (*Зипунникова Н. Н., Калинина А. В.* Юридический факультет Иркутского государственного университета в 1918–1920 гг.: свидетельства учебной повседневности // *Российский юридический журнал*. 2018. № 2. С. 185; *Их же.* Организация научной деятельности на юридическом факультете Иркутского государственного университета в период его становления (1918–1920 гг.) // *Там же*. 2019. № 4. С. 191).

³ Помимо процитированных выше публикаций см.: *Казарин В. Н.* Послереволюционная Сибирь: уголовно-правовой и криминологический анализ современника профессора Г. Ю. Маннса // *Силовые структуры: история и современность*: сб. ст. Иркутск: Восточно-Сибирский ин-т Министерства внутренних дел РФ, 2002. С. 48–55; *Его же.* Проблемы детской преступности в Сибири в трудах профессора Г. Ю. Маннса // *Несовершеннолетний как субъект права*. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2015. С. 88–92.

гут быть использованы для сравнительного анализа общесоюзной и региональной историографии в этой отдельно взятой области криминологии. В теории статистики авторов сближает лишь общее направление, тогда как тематика работ значительно различается.

Исследования преступности Иркутска, проведенные авторами, по методологии практически идентичны: для объяснения причин преступности используется многофакторный подход, основанный на анализе представляемых в табличных формах статистических данных. Тем, однако, примечательнее отдельные совпадения, сквозные сюжеты и нюансы.

1. *Отбор эмпирического материала* обоими авторами почти идентичен, оба основывают свое исследование на милицейской статистике. Г. Г. Магульяно добавляет позже статистику Губрозыска¹. Оба автора отмечают неполноту эмпирической базы, констатируют недоступность статистики ЧК, трибуналов и народных судов², ввиду чего им сложно делать претендующие на полноту выводы о контрреволюционных преступлениях, деяниях, направленных против общества и государства, и т. п.³ Г. Ю. Маннс констатирует также гибель части сводок, неполноту собранного материала в части должностных преступлений, которые преимущественно касались должностных лиц милиции⁴. Также специальных пояснений потребовало необычно низкое число преступлений, зарегистрированных в том районе Иркутска, где находится вокзал. Г. Ю. Маннс объяснил очевидную аномалию тем, что преступления на железной дороге учитывались транспортной милицией, Г. Г. Магульяно спустя год повторит эту оговорку⁵.

2. Оба автора осуществляют *корректировку уголовной статистики* доступными способами. Г. Ю. Маннс поясняет, что объединил некоторые графы милицейской статистики, добившись тем самым устранения влияния ошибок при составлении сводок, обусловленных низкой квалификацией милиционеров в статистическом деле⁶. Кроме того, ученый обращает внимание на аномальный повтор данных по месяцам в одном из районов города (данные за февраль и ноябрь повторили почти в точности данные за январь и октябрь), ввиду того что в других районах Иркутска статистика претерпела изменения, высказывает сомнения в достоверности сведений сводки⁷. Г. Ю. Маннс выделяет самоубийства из общей уголовной статистики в отдельную графу и не учитывает в своем анализе⁸, в работе Г. Г. Магульяно они также не комментируются, а позднее она пишет теоретическую статью, в которой вообще предлагает убрать самоубийства из моральной статистики, а ее саму переименовать официально в уголовную⁹.

Также Г. Г. Магульяно замечает, что данные Губрозыска подавались в обезличенном виде, ввиду чего статистики не могли проверить квалификацию преступлений, а данные Губмилиции шли «сырыми» и самостоятельно обрабатывались соответствующей секцией Статбюро. Там, где было возможно, выполнялась перекрестная проверка цифр, при расхождении предпочтение отдавалось наибольшим значениям в связи с латентным характером преступности¹⁰. Оба автора видели определенную проблему в регистрации преступлений не по дате совершения, а по дате начала дознания, ввиду чего могла возникать путаница. Г. Ю. Маннс предлагал регистрировать даты как производства дознания, так и совершения преступления¹¹. Иногда ученые, отмечая аномалии, прямо отказываются от выводов. Так поступает Г. Г. Магульяно, не делая

¹ Магульяно Г. Г. Преступность гор. Иркутска в 1921 г. // Красные зори. 1923. № 4. С. 102–103.

² Впрочем, Г. Ю. Маннс обнаруживает свое знакомство, например, с «приготовляемыми к печати материалами о движении осужденных Иркутским народным судом» (Маннс Г. Ю. Движение преступности в Иркутске в 1920 году. Иркутск: Иркут. отд., 1921. С. 42, сн. 1).

³ Маннс Г. Ю. Движение преступности в Иркутске в 1920 году. С. 36; Магульяно Г. Г. Преступность гор. Иркутска в 1921 г. С. 103.

⁴ Маннс Г. Ю. Движение преступности в Иркутске в 1920 году. С. 35–36.

⁵ Там же. С. 48–49; Магульяно Г. Г. Преступность гор. Иркутска в 1921 г. С. 107.

⁶ Маннс Г. Ю. Движение преступности в Иркутске в 1920 году. С. 35.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 36, 38, 40.

⁹ Магульяно Г. Г. Понятие и объем моральной статистики // Сборник трудов Государственного Иркутского университета. Факультет права и местного хозяйства. 1926. Вып. X. С. 74–75.

¹⁰ Магульяно Г. Г. Преступность гор. Иркутска в 1921 г. С. 102–103.

¹¹ Там же; Маннс Г. Ю. Движение преступности в Иркутске в 1920 году. С. 35.

вывод о том, почему максимум преступлений против личности в 1921 г. падает на зимние месяцы, а не на летние, как это обычно бывает, то же касается аномального пика воинских преступлений в октябре 1921 г.¹ Также оба ученых сетуют на низкую квалификацию сотрудников, собиравших статистику, и недостаточно умелую организацию статистического учета в целом².

Указанное говорит о методологически хорошо поставленной совокупности процедур анализа статистики в ИГУ, в чем можно видеть характерную черту Иркутской школы криминологии в 1920-е гг. Из статей Г. Г. Магульяно следует, что у нее был налажен тесный контакт с ИркГубСтатБюро, в частности она сама обрабатывала первичные материалы милицейской статистики, что говорит о необходимом для плодотворных криминологических исследований взаимодействии ученых и правоприменителей.

Разговор о методах сбора и обработки эмпирической информации в иркутской криминологической школе 1920-х гг. был бы неполным без анализа программы Г. Ю. Маннса по поводу сбора юридических обычаев коренных народов Сибири. Ученый считал это важным, поскольку обычаи «могут быть выражением нарождающихся взаимоотношений людей, не успевших еще получить законодательную санкцию и оформление»³, а также в связи с тем, что «огромный интерес для теоретика и большое практическое значение для законодателя, судьи и администратора приобретает вопрос об отношении населения к новым законам. Это отношение часто определяется тем, согласуется или нет закон с существующими у данного народа или в данной местности юридическими обычаями»⁴. С точки зрения методики Г. Ю. Маннс рекомендует обращать внимание на три типа источников: 1) судебные и административные архивы за период с 1918 по 1922 г., причем призывает анализировать и итоговые решения, и сами жалобы и заявления; 2) данные расспросов населения, как стариков (информация о прежних обычаях), так и молодежь, комсомольцев («не только носителей, но и творцов новых правовых обычаев»); 3) частушки, песни и рассказы революционного периода⁵. В методической части программы обсуждается, что нужно, помимо местного населения, опросить работников правоприменительных органов («нарсудьи, нарследователи, милиционеры»)⁶. К сожалению, сведений о реализации данной программы найти не удалось, однако вышесказанное позволяет сделать вывод, что Г. Ю. Маннс намеревался создать специализированную, относящуюся к уголовному праву программу, имеющую прикладное значение, чем она отличалась от иных схожих программ. Также автор ясно представлял специфику собираемой информации, ее отличие от официальной уголовной статистики и намеревался использовать ее как инструмент для объяснения причин преступности.

С точки зрения *причин преступности* оба автора были склонны отдавать должное новым глобальным внешним факторам, таким как война и революция, влияющим на преступность в регионе. Так, Г. Ю. Маннс отмечает, что в 1920 г. преступления против порядка управления заняли в структуре преступности второе место, сместив преступления против личности на третью позицию, что не является типичным. Г. Ю. Маннс связал эту ситуацию с политической неопределенностью и введением новыми властями большого числа новых запретов⁷. Г. Г. Магульяно, комментируя данные следующего года, констатирует снижение доли преступлений этой группы, видя причину в укреплении советской власти⁸, однако уже через год ей вновь приходится

¹ Магульяно Г. Г. Преступность гор. Иркутска в 1921 г. С. 106–107. Нужно заметить, что и в работе о детской преступности Г. Г. Магульяно подробно отмечала причины возможных статистических аномалий: например, снижение в середине года возраста, до которого, по общему правилу, дела о проступках несовершеннолетних подведомственны Комиссии по делам несовершеннолетних, с 18 до 16 лет (Магульяно Г. Г. К вопросу о детской преступности и о мерах борьбы с нею за годы революции // Сб. тр. профессоров и преподавателей Государственного Иркутского университета. ФОН. 1923. Вып. VI. С. 177).

² Маннс Г. Ю. Движение преступности в Иркутске в 1920 году. С. 34–35; Магульяно Г. Г. Преступность гор. Иркутска в 1921 г. С. 103.

³ Маннс Г. Ю. Программа по собиранию материала о народных воззрениях и юридических обычаях в области уголовного права и суда туземных народностей Сибири. Верхне-Удинск, [Б. г.]. С. 1.

⁴ Там же. С. 2.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 3.

⁷ Маннс Г. Ю. Движение преступности в Иркутске в 1920 году. С. 43.

⁸ Магульяно Г. Г. Преступность гор. Иркутска в 1921 г. С. 102.

отметить рост, однако причиной здесь уже выступает НЭП¹. Комментируя динамику имущественной преступности, Г. Ю. Маннс отмечает крайне неблагоприятную ситуацию с продовольствием в 1920 г., констатируя, впрочем, что к концу года ситуация изменилась к лучшему, поскольку удалось наладить подвоз провианта из деревень. Он замечает, что отчасти ситуация также объясняется «утратой многими ясного представления о границах между дозволенным и недозволенным в сфере имущественных отношений»². Г. Г. Магульяно констатирует дальнейший рост доли имущественной преступности в общей структуре преступности, в какой-то мере уточняет выводы Г. Г. Маннса, поскольку связывает это с тем, что в 1920 г. Иркутская губерния продолжала жить на старых запасах (т. е. улучшение последних месяцев в Иркутске 1920 г. было ситуативным), тогда как в 1921 г. они были исчерпаны, и лишь в 1922 г. НЭП вернул товарный оборот к модели мирного времени, нормализовав и ситуацию с имущественными преступлениями³.

Интересно в связи с этим обсудить и влияние местных факторов. Так, Г. Ю. Маннс, говоря об имущественных преступлениях в 1920 г., обратил внимание на их аномальную пиковость в летние месяцы, объясняя это тем, что в город в это время вообще не осуществлялся подвоз товаров⁴. Г. Г. Магульяно, обсуждая статистику следующего года, подтвердила эту тенденцию, что привело ее к мысли о зависимости продовольственного благополучия города от периодов летних (в большей мере) и весенних (в меньшей мере) полевых работ в деревнях, а также весенней и осенней распутицы. В это время крестьяне не находили времени или возможности подвозить провиант в город, и продукты нельзя было достать ни за какие деньги, что гарантировало увеличение числа преступлений против имущества⁵.

Оба автора одинаково районируют город (что, очевидно, связано с организацией сбора милицейской статистики). Собранный Г. Г. Магульяно материал позволил обнаружить некую ротацию мест между районами по уровню преступности, однако самый благоприятный и неблагоприятный (район так называемого «манчжурского» рынка) сохранили свои места⁶. Высокие значения количества преступлений продолжит демонстрировать и окраинная часть города, где по объективным причинам хуже поставлена охрана. Эти данные не содержат каких-то научных прорывов, однако позволяют увидеть преемственность в мониторинге криминогенной обстановки и ее практическую значимость, без чего невозможна научная школа.

Несколько иначе выглядит тематическая перекличка основоположников иркутской криминологии относительно проблематики детской преступности. Г. Ю. Маннс преимущественно анализирует большие объемы свежей статистики, классифицирует беспризорных, асоциальных малолетних и юных преступников и предлагает дифференцированные меры профилактики и противодействия преступности каждой из групп, особо акцентируя внимание на необходимости открытия дополнительных учебно-воспитательных и учебно-исправительных учреждений⁷. Исследование Г. Г. Магульяно аналогичной направленности с современных позиций можно охарактеризовать как междисциплинарное изучение конкретного случая (*case study*). В рамках одной статьи дается социологический анализ преступности несовершеннолетних с использованием статистического материала (как дореволюционного, так

¹ «Разрешение свободы торговли повлекло более частое нарушение установленных норм; улучшение железнодорожного сообщения и уничтожение системы пропусков облегчило передвижение населения, а вместе с тем и возможность перехода границы, бродяжничества» (Магульяно Г. Г. К вопросу о детской преступности и о мерах борьбы с нею за годы революции. С. 187).

² Маннс Г. Ю. Движение преступности в Иркутске в 1920 году. С. 42. В процитированном отрывке, вероятно, стоит видеть возможное объяснение интереса автора к революционным обычаям и отношению к действующему закону у населения, на выяснение которых должна была быть направлена обсуждавшаяся выше программа.

³ Магульяно Г. Г. Преступность гор. Иркутска в 1921 г. С. 102, 105; Её же. К вопросу о детской преступности и о мерах борьбы с нею за годы революции. С. 182–184.

⁴ Маннс Г. Ю. Движение преступности в Иркутске в 1920 году. С. 42.

⁵ Магульяно Г. Г. Преступность гор. Иркутска в 1921 г. С. 105. Этот вывод она подтвердит и для имущественных преступлений, совершенных несовершеннолетними.

⁶ Там же. С. 107.

⁷ Маннс Г. Ю. Борьба с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних и ее очередные задачи в Сибирском крае // Сборник трудов Иркутского государственного университета. Факультет права и местного хозяйства. Т. XIII. 1927. С. 447–448.

и свежей статистики по Иркутску), анализ «детского» советского права, исследуется процессуальная практика Иркутской комиссии по делам несовершеннолетних и опыт Иркутской трудовой колонии по перевоспитанию несовершеннолетних преступников. Можно увидеть внимание обоих исследователей к детским учреждениям, отражавшее, впрочем, универсальный всероссийский тренд.

Г. Ю. Маннс, развивая изложенные Г. Г. Магульяно идеи на уровне всего Сибирского края, не приводит прямых ссылок на ее исследование. Однако отдельные мысли, к которым пришла Г. Г. Магульяно, повторяются в работе Г. Ю. Маннса. Так, уже на уровне темы исследования в прямой связи с уровнем преступности рассматривается проблема беспризорности. Есть совпадения и в тематике детской спекуляции. В работе Г. Г. Магульяно этот вопрос анализируется на городском уровне, на основе наблюдений за жизнью уже упоминавшегося «манчжурского» рынка, тогда как Г. Ю. Маннс дает теоретическое обобщение, пытаясь определить место детей-спекулянтов среди других групп беспризорников¹. Тем не менее даже примерный перечень видов детской спекуляции у основателей иркутской криминологической школы совпадает (ср. «сахаринщики, папиросники, торговцы дрожжами» у Г. Ю. Маннса² и детвора, продающая «сладкий фруктовый квас, орехи, дрожжи, папиросы» у Г. Г. Магульяно³). Г. Ю. Маннс приводит новую статистику по семейному и социальному положению содержащихся в Иркутской трудовой колонии несовершеннолетних, а также работает со статистикой Иркутской комиссии по делам несовершеннолетних, что делала и Г. Г. Магульяно⁴. Также Г. Ю. Маннс собрал отсутствовавшую на момент написания работы Г. Г. Магульяно статистику по детской проституции в Иркутске, что привело его к выводу о значительном ухудшении ситуации по сравнению с высказанными Г. Г. Магульяно предположениями («это явление если и существует в Иркутске, то в очень небольших размерах»⁵ против достоверно установленных со ссылкой на учет Губрозыска 8,3 % несовершеннолетних проституток (8 девушек) от общего числа учтенных на март 1927 г.⁶). В целом же Г. Ю. Маннс, в отличие от Г. Г. Магульяно, почти не оперирует дореволюционной статистикой, предпочитая современную, однако оба автора пытаются сопоставлять данные Иркутска с доступной статистикой из других мест.

Подведем итоги. Идейным вдохновителем направления региональной криминологии в Иркутском университете следует считать Г. Ю. Маннса. Однако работы Г. Г. Магульяно внесли серьезный вклад в разработку и верификацию гипотез Г. Ю. Маннса. Между учеными существует связь, проявляющаяся не только на уровне выбора сходных тем, но и на методологических акцентах, в программных аспектах, на уровне микропроблем и даже отдельных выражений и примеров. Очевидно, что на кафедре существовал консенсус относительно важности анализа региональной криминогенной обстановки и последующего проведения сравнительно-криминологических исследований, нацеленность на максимально полный охват статистического материала, на взаимодействие с правоохранительными органами, разработку объяснительных схем противодействия преступности, учитывающих как глобальные, так и местные факторы. Функциональная связь «лидер школы – ассистент» является потенциально многомерной, поскольку Г. Г. Магульяно выполняла, помимо функции корректировки гипотез Г. Ю. Маннса, также функцию апробации новых исследовательских фронтов, обеспечивала проведение сравнительных статистических исследований. При этом ей был свойствен индивидуальный методологический почерк, ориентированный на описание конкретных случаев, «оживляющих» статистику⁷, что Г. Ю. Маннсу было свойственно в меньшей степени и проявилось позднее⁸.

¹ Маннс Г. Ю. Борьба с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних и ее очередные задачи в Сибирском крае. С. 438–440.

² Там же. С. 439.

³ Магульяно Г. Г. К вопросу о детской преступности и о мерах борьбы с нею за годы революции. С. 190.

⁴ Там же. С. 178–179, 218. Ср. Маннс Г. Ю. Борьба с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних и ее очередные задачи в Сибирском крае. С. 432, 434–435.

⁵ Магульяно Г. Г. К вопросу о детской преступности и о мерах борьбы с нею за годы революции. С. 193.

⁶ Маннс Г. Ю. Борьба с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних и ее очередные задачи в Сибирском крае. С. 439.

⁷ Магульяно Г. Г. К вопросу о детской преступности и о мерах борьбы с нею за годы революции. С. 185, 188, 191–192, 212–214.

⁸ Маннс Г. Ю. Деревенские убийства и убийцы // Проблемы преступности: сб. М.; Л., 1927. Вып. 2. С. 31 и далее.

Разумеется, эти выводы нельзя экстраполировать на другие научные школы, поскольку случай Иркутска уникален по сочетанию трех параметров: этап зарождения научной школы на пустом месте; малое число участников; наличие материнской (казанской) научной школы. Однако примененный в настоящем исследовании подход демонстрирует также эвристическую полезность историографического микроанализа, позволяющего решить задачу выявления функциональных закономерностей в научной школе.

Список литературы

Акишина Е. О., Мартишина Н. И. Научная школа: сущность, статус, возможности регулирования // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 3. С. 74–79.

Зипунникова Н. Н., Калинина А. В. Организация научной деятельности на юридическом факультете Иркутского государственного университета в период его становления (1918–1920 гг.) // Российский юридический журнал. 2019. № 4. С. 186–194.

Зипунникова Н. Н., Калинина А. В. Юридический факультет Иркутского государственного университета в 1918–1920 гг.: свидетельства учебной повседневности // Российский юридический журнал. 2018. № 2. С. 178–188.

Казарин В. Н. Влияние Казанской правовой школы на формирование и развитие юридического образования и науки в Иркутском университете // Сибирский юридический вестник. 2011. № 2. С. 3–16.

Казарин В. Н. Послереволюционная Сибирь: уголовно-правовой и криминологический анализ современника профессора Г. Ю. Маннса // Силовые структуры: история и современность: сб. ст. Иркутск: Восточно-Сибирский ин-т Министерства внутренних дел РФ, 2002. С. 48–55.

Казарин В. Н. Проблемы детской преступности в Сибири в трудах профессора Г. Ю. Маннса // Несовершеннолетний как субъект права. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2015. С. 88–92.

Казарин В. Н. Ученые-юристы в панораме эпохи: транзит Казань – Иркутск – Свердловск. Первая треть XX в. // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 6. С. 14–24.

Магульяно Г. Г. К вопросу о детской преступности и мерах борьбы с нею за годы революции // Сб. тр. профессоров и преподавателей Государственного Иркутского университета. ФОН. 1926. Вып. VI. С. 167–221.

Магульяно Г. Г. Понятие и объем моральной статистики // Сборник трудов Государственного Иркутского университета. Факультет права и местного хозяйства. 1926. Вып. X. С. 66–75.

Магульяно Г. Г. Преступность гор. Иркутска в 1921 г. // Красные зори. 1923. № 4. С. 101–108.

Маннс Г. Ю. Борьба с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних и ее очередные задачи в Сибирском крае // Сборник трудов Иркутского государственного университета. Факультет права и местного хозяйства. Т. XIII. 1927. С. 419–450.

Маннс Г. Ю. Движение преступности в Иркутске в 1920 году. Иркутск: Иркут. отд., 1921. С. 34–39.

Маннс Г. Ю. Деревенские убийства и убийцы // Проблемы преступности: сб. М.; Л., 1927. Вып. 2. С. 25–40.

Маннс Г. Ю. Программа по собиранию материала о народных воззрениях и юридических обычаях в области уголовного права и суда туземных народностей Сибири. Верхне-Удинск, [Б. г.]. 8 с.

References

Akishina E. O., Martishina N. I. (2019) Nauchnaya shkola: sushchnost', status, vozmozhnosti regulirovaniya [Scientific school: essence, status, regulatory capabilities]. In *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii*, no. 3, pp. 74–79, DOI: 10.24411/1999-625X-2019-13015.

Kazarin V. N. (2002) Poslerevolutsionnaya Sibir': ugovovno-pravovoi i kriminologicheskii analiz sovremennika professora G. Yu. Mannsa [Post-revolutionary Siberia: criminal law and criminological analysis of a contemporary of Professor G. Yu. Manns]. In *Silovye struktury: istoriya i sovremennost': sbornik statei*. Irkutsk, Vostochno-Sibirskii institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii, pp. 48–55.

Kazarin V. N. (2011) Vliyanie Kazanskoi pravovoi shkoly na formirovanie i razvitie yuridicheskogo obrazovaniya i nauki v Irkutskom universitete [Influence of the Kazan school of law on establishment and development of law education and science in Irkutsk University]. In *Sibirskii yuridicheskii vestnik*, no. 2, pp. 3–16.

Kazarin V. N. (2015) Problemy detskoj prestupnosti v Sibiri v trudakh professora G. Yu. Mannsa [Problems of child crime in Siberia in the works of Professor G. Yu. Manns]. In *Nesovershennoletnii kak sub"ekt prava*. Irkutsk, Irkutskii gosudarstvennyi universitet, pp. 88–92.

Kazarin V. (2023) Uchenye-yuristy v panorame epokhi: tranzit Kazan' – Irkutsk – Sverdlovsk. Pervaya tret' XX v. [Scientists-lawyers in the era panorama: transit Kazan – Irkutsk – Sverdlovsk. The first third

of the XX century]. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 6, pp. 14–24, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2023_6_14.

Magul'vano G. G. (1923) Prestupnost' gor. Irkutsk v 1921 g. [Crime in the city of Irkutsk in 1921]. In *Krasnye zori*, no. 4, pp. 101–108.

Magul'vano G. G. (1926) K voprosu o detskoj prestupnosti i merakh bor'by s neyu za gody revolyutsii [On the issue of child crime and measures to counteract it during the years of the revolution]. In *Sbornik trudov professorov i prepodavatelei Gosudarstvennogo Irkutskogo universiteta. FON*, is. VI, pp. 167–221.

Magul'vano G. G. (1926) Ponyatie i ob'em moral'noi statistiki [Concept and scope of moral statistics]. In *Sbornik trudov Gosudarstvennogo Irkutskogo universiteta. Fakul'tet prava i mestnogo khozyaistva*, is. X, pp. 66–75.

Manns G. Yu. (1921) *Dvizhenie prestupnosti v Irkutске v 1920 godu* [Crime movement in Irkutsk in 1920]. Irkutsk, Irkutskoe otdelenie, pp. 34–49.

Manns G. Yu. (1925?) *Programma po sobiraniyu materiala o narodnykh vozzreniyakh i yuridicheskikh oby chayakh v oblasti ugovnogo prava i suda tuzemnykh narodnostei Sibiri* [Program for collecting material on folk beliefs and legal customs in the field of criminal law and the judgement of the indigenous peoples of Siberia]. Verkhne-Udinsk, 8 p.

Manns G. Yu. (1927) Bor'ba s besprizornost'yu i prestupnost'yu nesovershennoletnikh i ee ocherednye zadachi v Sibirskom krae [The fight against homelessness and juvenile delinquency and its immediate tasks in the Siberian region]. In *Sbornik trudov Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Fakul'tet prava i mestnogo khozyaistva*, is. XIII, pp. 419–450.

Manns G. Yu. (1927) Derevenskie ubiistva i ubiitsy [Village murders and murderers]. In *Problemy prestupnosti: sbornik*. Moscow, Leningrad, is. 2, pp. 25–40.

Zipunnikova N. N., Kalinina A. V. (2018) Yuridicheskii fakul'tet Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta v 1918–1920 gg.: svidetel'stva uchebnoi povsednevnosti [The law faculty of the Irkutsk State University in 1918–1920: evidence of educational daily life]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 2, pp. 178–188.

Zipunnikova N. N., Kalinina A. V. (2019) Organizatsiya nauchnoi deyatel'nosti na yuridicheskom fakul'tete Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta v period ego stanovleniya (1918–1920 gg.) [Organization of scientific work at the law faculty of the Irkutsk State University in the period of its formation (1918–1920)]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 4, pp. 186–194.

ЦИФРОВЫЕ ЭКОСИСТЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ ПРАВЕ: АНАЛИЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ПОДХОДОВ

Гулемин Артем Николаевич

Доцент кафедры информационного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), кандидат юридических наук,
ORCID: 0000-0003-0876-3849, e-mail: artem_gulemin@mail.ru.

В статье исследуются понятие, характеристики и особенности правового регулирования цифровых экосистем в России и за рубежом. Автор отмечает, что цифровые экосистемы, объединяющие разнообразные сервисы и технологии в единой платформе, становятся важной частью глобальной экономики, однако их стремительное развитие вызывает ряд вопросов. В работе анализируются подходы к регулированию цифровых экосистем в разных странах, включая Европейский союз, Китай и Россию, с акцентом на аспекты защиты данных, конкуренции и инновационного развития. Обсуждаются особенности цифровых экосистем, а также их отличия от традиционных групп компаний. Автор подчеркивает необходимость разработки комплексного нормативного акта для регулирования цифровых экосистем, учитывающего вопросы защиты данных, антимонопольного регулирования, прозрачности алгоритмов и прав потребителей. Особое внимание уделяется зарубежному опыту и перспективам адаптации российского законодательства к современным технологическим реалиям. Для эффективного правового регулирования предлагаются такие меры, как внедрение «регуляторных песочниц», создание специализированного регулятора и стимулирование саморегулирования отрасли. Исследование направлено на выявление пробелов и разработку рекомендаций по совершенствованию законодательства в условиях стремительного технологического прогресса.

Ключевые слова: цифровая экосистема, инновации и технологии, защита персональных данных, конкуренция в цифровой среде, гармонизация законодательства

Для цитирования: Гулемин А. Н. Цифровые экосистемы в современном праве: анализ национальных и международных подходов // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 5. С. 27–36. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_5_27.

DIGITAL ECOSYSTEMS IN MODERN LAW: ANALYSIS OF NATIONAL AND INTERNATIONAL APPROACHES

Gulemin Artem

Associate professor, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg),
candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0003-0876-3849, e-mail: artem_gulemin@mail.ru.

The article examines the concept, characteristics and features of the legal regulation of digital ecosystems in Russia and abroad. The author notes that digital ecosystems, combining various services and technologies in a single platform, are becoming an important part of the global economy, but their rapid development raises a number of questions. The work analyzes approaches to regulating digital ecosystems in different countries, including the European Union, China and Russia, with an emphasis on aspects of data protection, competition and innovative development. The features of digital ecosystems are discussed, as well as their differences from traditional groups of companies. The author emphasizes the need to develop a comprehensive regulatory act to regulate digital ecosystems, taking into account issues of data protection, antitrust regulation, transparency of algorithms and consumer rights. Particular

attention is paid to foreign experience and prospects for adapting Russian legislation to modern technological realities. For effective legal regulation, measures such as the introduction of «regulatory sandboxes», the creation of a specialized regulator and stimulation of industry self-regulation are proposed. The study aims to identify gaps and develop recommendations for improving legislation in the face of rapid technological progress.

Keywords: digital ecosystem, innovation and technology, personal data protection, competition in the digital sphere, harmonization of legislation

*For citation: Gulemin A. (2024) Digital ecosystems in modern law: analysis of national and international approaches. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 27–36, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_5_27.*

Понятие «цифровая экосистема» появилось в научных трудах по юриспруденции относительно недавно и определялось (впрочем, и определяется) разными авторами по-разному с учетом задач, которые они ставили перед собой в исследованиях. В контексте государственного управления была сформулирована идея, что цифровая экосистема – это «сложная динамическая система, состоящая из человеческого общества и цифровой среды его обитания»¹, понятие было тождественным понятию «инфраструктура электронного правительства»², закрепленному в Стратегии развития информационного общества³. В сфере частного права поднимались вопросы о соотношении понятий «цифровая экосистема» и «цифровая платформа»⁴. Не имея целью подвергнуть критике эти исследования, заметим, что полноценного определения явлению так и не было дано, хотя цифровые экосистемы стали неотъемлемой частью глобальной экономики и в настоящее время оказывают существенное влияние и на бизнес-процессы, и на государственное управление, и на повседневную жизнь граждан, объединяя миллионы пользователей по всему миру, создавая новые возможности для взаимодействия и обмена информацией.

Возрастающая роль цифровых экосистем обусловлена их способностью быстро адаптироваться к потребностям рынка, предоставляя инновационные услуги и продукты. Однако их стремительное развитие порождает ряд правовых и этических вопросов. В частности, возникает необходимость обеспечения защиты персональных данных, соблюдения антимонопольного законодательства и гарантирования прав потребителей в цифровой среде. Поэтому эффективное правовое регулирование цифровых экосистем становится критически важным для обеспечения баланса интересов государства, бизнеса и гражданского общества.

Цель исследования – анализ правовых подходов к регулированию цифровых экосистем в России и за рубежом для выявления эффективных механизмов и разработки рекомендаций по совершенствованию российского законодательства.

Задачи исследования включают определение сущности и особенностей цифровых экосистем, их ключевых характеристик, влияния на традиционные правовые институты; анализ российского и зарубежного законодательства для оценки его эффективности и выявления существующих пробелов и коллизий; проведение сравнительного анализа и разработку рекомендаций по совершенствованию российского законодательства с учетом мировых тенденций и национальных особенностей.

Понятие и признаки цифровой экосистемы

Допуская использование понятия «цифровая экосистема» в широком смысле и применение его к процессам государственного управления, для целей исследования

¹ Фетюков Ф. В. Обеспечение безопасности цифровой экосистемы: теоретико-правовые перспективы взаимодействия гражданского общества и государства // Евразийский юридический журнал. 2020. № 5(144). С. 85–86.

² Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Правовые аспекты применения технологии распределенных реестров для формирования новой среды доверия в обществе // Гражданское право. 2018. № 5. С. 3–8.

³ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы».

⁴ Чеховская С. А. Новые контуры корпоративного права // Предпринимательское право. 2018. № 3. С. 31–41.

предлагаем определить его как новую платформенную модель ведения бизнеса в цифровом пространстве, позволяющую повышать эффективность процессов и предоставлять потребителям более персонализированные и удобные услуги. Подобное описание дается в Концепции общего регулирования деятельности групп компаний, развивающих различные цифровые сервисы на базе одной «Экосистемы»¹.

Наиболее заметными примерами крупнейших цифровых экосистем в России являются, например, экосистема Сбера (Сбербанк), предлагающая не только финансовые услуги, но и решения в сфере технологий, медицины, образования; экосистема Яндекса, включающая сервисы от поисковой системы до беспилотных автомобилей; экосистема VK (бывший Mail.ru Group), объединяющая социальные сети, мессенджеры, игровые и другие сервисы; экосистема МТС, расширившая свои услуги за пределы телекоммуникаций и предлагающая цифровые сервисы в различных областях; экосистема Wildberries, объединяющая интернет-магазин, финансовые услуги и логистическую сеть. Эти и множество других компаний по всему миру, трансформировавших традиционную форму ведения бизнеса в цифровую и экосистемную, к 2030 г. будут контролировать треть всего мирового объема продаж².

Во-первых, новизна этой модели может быть определена интеграцией различных услуг и продуктов в единую платформу, объединяющую множество разнородных сервисов в единой цифровой среде. Это позволяет потребителям получать доступ к широкому спектру услуг через одну платформу или приложение. Во-вторых, с ростом числа пользователей и партнеров ценность экосистемы возрастает экспоненциально, порождая сетевые эффекты, когда каждый новый участник добавляет ценность для остальных, стимулируя дальнейший рост и вовлеченность, создавая тем самым устойчивое конкурентное преимущество для экосистемы³. Кроме того, цифровые экосистемы собирают и анализируют большие объемы данных о поведении и предпочтениях пользователей. Аналитика данных становится ключевым элементом бизнес-модели, позволяя компаниям предлагать персонализированные услуги и продукты. Экосистемы поощряют создание партнерских отношений с другими компаниями, разработчиками и поставщиками услуг, а их модульная структура и использование облачных технологий позволяют быстро адаптироваться к изменениям рынка и масштабироваться без значительных дополнительных затрат, внедряя новые сервисы и интегрируя партнерские продукты с минимальными усилиями. Новизна обнаруживается и в разнообразных моделях монетизации, включающих комиссионные за транзакции, подписки, рекламу, продажи данных и др. Это позволяет диверсифицировать источники дохода и создавать устойчивые бизнес-модели.

На первый взгляд модель цифровой экосистемы схожа с существующей в отечественной юридической практике моделью группы компаний. И хотя законодательно второй термин также не определен⁴, однако в науке сложилось его понимание как не являющегося юридическим лицом объединения юридических лиц, связанных отношениями значительного влияния или контроля⁵. Стоит ли в таком случае плодить сущности и вводить новое понятие? Имеет ли оно существенные признаки, позволяющие заявлять о необходимости его использования? Мы можем выделить несколько важных особенностей, позволяющих разделить эти две модели для более четкого правового регулирования цифровой экосистемы как технологической среды взаимодействия бизнеса и потребителя:

1) по своей организационной структуре и способам взаимодействия участников цифровая экосистема представляет собой сеть компаний, продуктов и сервисов, ор-

¹ Документ опубликован на сайте Министерства экономического развития РФ 21 мая 2021 г. // URL: https://economy.gov.ru/material/departments/d31/konceptiya_gos_regulirovaniya_cifrovyyh_platform_i_ekosistem/ (дата обращения: 27.11.2024).

² Growth and resilience through ecosystem building. May 23, 2023. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/growth-marketing-and-sales/our-insights/growth-and-resilience-through-ecosystem-building> (дата обращения: 27.11.2024).

³ Сафина Г. Р. Особенности функционирования бизнес-моделей, основанных на цифровых технологиях // Экономика и предпринимательство. 2023. № 7(156). С. 1289–1292.

⁴ Карелина С. А. К вопросу о преюдициальной силе решений, вынесенных по налоговым правонарушениям, и возможности их применения в делах о несостоятельности (банкротстве) // Право и бизнес. 2020. № 1. С. 16–22.

⁵ Полякова В. Э. Группа компаний: понятие, особенности правового положения // СПС «КонсультантПлюс». 2019.

ганизованную вокруг цифровой платформы или центрального сервиса, где участники объединены не столько общей собственностью, сколько технологией и данными. Она часто включает внешних партнеров, которые могут встраивать свои продукты и сервисы, расширяя экосистему, а участники в ней взаимодействуют друг с другом, а не только с головной организацией. Группа компаний, в свою очередь, представляет собой объединение нескольких юридически и управленчески независимых компаний под единым контролем, в ней каждый участник выполняет свои уникальные функции, координируемые управляющей компанией;

2) для взаимодействия с клиентами цифровая экосистема создает единое пространство (платформу, приложение, веб-сайт), где клиент может получить доступ ко множеству услуг сразу, что позволяет создать целостный и персонализированный пользовательский опыт, который нацелен на удержание клиентов и повышение лояльности. В этом отличие от группы компаний, где взаимодействие с клиентом обычно происходит через каждый бизнес по отдельности;

3) обеспечивая технологическую интеграцию, цифровая экосистема строится на основе единой цифровой инфраструктуры, что позволяет участникам обмениваться данными и ресурсами в реальном времени. Хотя участники группы компаний могут использовать общие информационные системы, каждая компания часто имеет собственные внутренние процессы и технологии;

4) в группе компаний каждая компания чаще всего генерирует доход за счет продаж собственных товаров или услуг, в то время как цифровая экосистема, как было сказано выше, зарабатывает за счет сетевого эффекта и создания добавленной ценности для клиента путем интеграции различных сервисов, с каждым новым пользователем или партнером ценность экосистемы возрастает для всех ее участников;

5) внедрение инноваций в группе компаний требует времени и согласования с другими компаниями группы и управления изменениями в каждой из них, в отличие от более гибкой цифровой экосистемы, которая изначально строится вокруг цифровой платформы и позволяет легко добавлять новые сервисы и партнеров.

Разница в моделях ведения бизнес-процессов (цифровая экосистема направлена на создание сетевой платформы с множеством продуктов и услуг, обеспечивающей единый и удобный пользовательский опыт¹, а также вовлекающей внешних партнеров для расширения возможностей системы) позволяет нам выделить ее как самостоятельный элемент для целей в том числе правового регулирования и предложить следующее определение: цифровая экосистема – это совокупность взаимосвязанных информационных технологий, платформ, приложений и сервисов, которые взаимодействуют друг с другом для предоставления комплексных цифровых услуг пользователям, разработчикам и участникам.

К основным характеристикам цифровой экосистемы мы можем отнести:

взаимосвязанность: все элементы экосистемы тесно интегрированы между собой посредством цифровых технологий;

открытость и масштабируемость: возможность подключения новых участников, расширения функциональности, адаптации к требованиям рынка без существенных изменений архитектуры;

платформенность: наличие центральной платформы, которая объединяет участников и обеспечивает их взаимодействие в развитии сервисов;

сетевой эффект: ценность экосистемы возрастает с увеличением числа ее участников и взаимодействий между ними;

инновационность: стимулирование создания новых продуктов и услуг через сотрудничество и обмен информацией между участниками.

Как отметила А. Ю. Булова, цифровая экосистема сама по себе субъектом, а тем более субъектом права, не является, поскольку в ее рамках действуют сразу несколько категорий самостоятельных субъектов². Допускаем, однако, что вопрос признания ее в качестве самостоятельного субъекта с особым правовым статусом однажды будет рассмотрен, вследствие чего может быть предложено издание специальных нормативных актов, регулирующих деятельность цифровых экосистем, устанавливающих

¹ Булова А. Ю. Цифровая экосистема как способ ведения предпринимательской деятельности: юридический взгляд // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 11(156). С. 111–117.

² Там же.

единую ответственность экосистемы как целого, которое может нести ответственность за нарушения, происходящие внутри нее, а также обязанностей по защите данных, обеспечению конкуренции, прозрачности алгоритмов обработки информации и т. д.

Определяя правовой статус экосистемы с позиции гражданско-правового регулирования как совокупность договоров, регулирующих отношения между различными участниками (платформами, сервисами, партнерами, пользователями), стоит отметить явную необходимость регулирования экосистем как единого целого публично-правовыми механизмами. Учитывая значительное влияние экосистем на рынок, необходимо рассматривать их как объекты антимонопольного регулирования для предотвращения возможного злоупотребления доминирующим положением. Большие объемы персональных данных, обрабатываемых внутри экосистемы, требуют признания ее оператором персональных данных с соответствующими обязанностями. Кроме того, экосистемы должны обеспечивать высокий уровень кибербезопасности для защиты данных и инфраструктуры: установление требований о регулярном аудите и сертификации, а также обязанностей по своевременному информированию пользователей и регуляторов о компьютерных инцидентах может приравнять их к субъектам критической информационной инфраструктуры. Возможный трансграничный характер экосистем (запустить приложение онлайн-кинотеатра или вызвать такси можно, находясь в другом государстве) требует применения норм международного частного права или даже экстратерриториального¹ регулирования.

В силу сложности конструкции цифровые экосистемы не всегда вписываются в традиционные правовые категории. Их правовой статус может быть охарактеризован многоуровневостью правовых отношений, возникающих в них, когда для регулирования одновременно учитываются нормы гражданского, трудового, информационного, предпринимательского, антимонопольного и других отраслей права; трансграничностью и динамичностью, поскольку быстрое изменение технологий и бизнес-моделей требует гибкого правового регулирования. Понимание теоретических основ цифровых экосистем является ключевым для разработки эффективного правового регулирования, которое необходимо в том числе для обеспечения баланса между стимулированием инноваций и защитой прав всех участников цифрового пространства.

Правовое регулирование цифровых экосистем в России

Система нормативных правовых актов, подлежащих применению при регулировании правового положения цифровых экосистем, охватывает вопросы защиты персональных данных, электронной коммерции, финансовых технологий, интеллектуальной собственности, иные аспекты цифровой экономики, но, безусловно, не ограничивается ими.

Нормы информационного законодательства, в частности ФЗ № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 8 августа 2024 г.), устанавливают основы правового регулирования информационных правоотношений и определяют базовые принципы обработки и защиты информации. Законом введены требования к операторам связи и владельцам информационных систем (к которым следует отнести и цифровую экосистему) в части предоставления пользователям достоверной информации (ст. 10.7), основания и порядок блокирования деятельности сервисов в случае нарушения законодательства о распространении информации (в том числе ст. 15.5, определяющая порядок ограничения доступа к информации, обрабатываемой с нарушением законодательства Российской Федерации в области персональных данных), требования о нахождении в пределах территории РФ баз данных, содержащих обрабатываемые персональные данные (ст. 16).

Вопрос защиты персональных данных, на наш взгляд, является одним из наиболее актуальных в работе цифровых экосистем. ФЗ № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 8 августа 2024 г.) содержит общие положения, регулирующие обработку персональных данных во всех сервисах экосистемы. Ключевыми выступают нормы о получении явного согласия на обработку персональных данных от субъекта, требования о локализации данных на серверах, расположенных на территории России, обя-

¹ Терентьева Л. В. Экстратерриториальность в международном частном праве // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 5. С. 183–194.

занности операторов (к которым относится цифровая экосистема) по внедрению мер по защите данных и уведомлению о случаях утечки такой информации. На практике возникают проблемы с соблюдением этих требований, особенно у международных компаний, что нередко приводит к конфликтам с регуляторными органами.

Федеральный закон «Об электронной подписи» (ред. от 4 августа 2023 г.) регулирует использование электронной подписи в юридически значимых действиях и позволяет осуществлять такие действия в электронной форме внутри экосистемы.

Федеральный закон «О коммерческой тайне» (ред. от 8 августа 2024 г.) регламентирует защиту конфиденциальной информации, составляющей коммерческую тайну, а также имеет значение для защиты интеллектуальной собственности и информации внутри экосистемы.

Цифровые экосистемы часто характеризуются высокой концентрацией рынка и сетевыми эффектами, что может приводить к доминирующему положению отдельных субъектов. Поэтому их правовое регулирование должно включать нормы ФЗ «О защите конкуренции» № 135-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.), учитывающего специфические метрики, такие как доля рынка в цифровой среде, количество активных пользователей для оценки доминирующего положения¹ (ст. 10.1), устанавливающего запрет на злоупотребление доминирующим положением, приводящим к ограничению доступа к рынку другим участникам или ущемлению прав потребителей (ст. 5), в том числе в цифровой среде. Нормы закона в части контроля и одобрения антимонопольным органом сделок по слиянию и поглощению, которые могут существенно повлиять на конкуренцию, также должны распространяться на договоры по присоединению участников к цифровой экосистеме.

Гражданское законодательство определяет правовой режим цифровых прав как объектов гражданских прав и тем самым устанавливает основы для регулирования отношений, связанных с использованием цифровых активов, технологий блокчейн, что позволяет использовать технологии смарт-контрактов в бизнес-процессах цифровой экосистемы. ФЗ № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 25 октября 2024 г.) определяет правовой статус криптовалют и токенов, что также важно для финансовых технологий и экосистем, работающих с цифровыми активами. Порядок проведения электронных платежей и переводов, осуществляемых посредством финансовых сервисов экосистем, участниками которых являются операторы услуг платежных инфраструктур и операторы электронных денежных средств, в том числе вопросы безопасности и защиты пользователей, регулируются ФЗ «О национальной платежной системе» (ред. от 8 августа 2024 г.). Дистанционная торговля, выступающая, по сути, основой деятельности экосистемы, регулируется Законом РФ «О защите прав потребителей» (ред. от 8 августа 2024 г.), который определяет права потребителей при покупке товаров и услуг дистанционным способом.

Несмотря на наличие базовой законодательной платформы, в регулировании цифровых экосистем выявляются существенные пробелы и коллизии. В частности, законодательство не содержит четкого определения и признаков цифровых экосистем, что затрудняет их правовую квалификацию и регулирование; трансграничный характер многих цифровых платформ создает сложности при применении национального законодательства и исполнении судебных решений; инертность законодательства приводит к его недостаточной адаптации к стремительно развивающимся технологиям, применяемым в цифровых экосистемах, таким как искусственный интеллект, блокчейн, интернет вещей и др., а возникающие противоречия между положениями законов о защите персональных данных, информации и конкуренции могут создавать неопределенность для участников рынка. Постоянное обновление законодательства должно отражать стремление государства создать благоприятные условия для развития цифровой экономики², одновременно обеспечивая защиту прав граждан и национальных интересов в информационной сфере. Эффективность правового

¹ Маслов А. О. Современные концепции рыночной власти в конкурентном праве: российский и зарубежный опыт // Российское конкурентное право и экономика. 2024. № 1(37). С. 34–42.

² Кузнецов П. У. Комплексный подход к правовому регулированию общественных отношений в области цифровой экономики // Российский юридический журнал. 2018. № 6(123). С. 154–161.

регулирования цифровых экосистем, на наш взгляд, должна оцениваться с учетом специфики цифровых технологий и опыта других государств.

Зарубежный опыт регулирования цифровых экосистем

Регулирование цифровых экосистем в государствах-членах Европейского союза представляет собой сложную систему, включающую общеевропейские нормативные акты и национальные законы. Эти нормы направлены в первую очередь на обеспечение безопасности и защиты прав пользователей, поддержание честной конкуренции и стимулирование инноваций в цифровой сфере. Так, в 2022 г. Европейский союз принял два основополагающих акта в сфере правового регулирования цифровых рынков: Digital Services Act¹ (DSA) и Digital Market Act² (DMA). Оба акта направлены на создание безопасного, прозрачного и справедливого цифрового пространства, где защищены права пользователей и обеспечена честная конкуренция между компаниями. Продолжая принципы, закрепленные Общим регламентом по защите данных (General Data Protection Regulation³), который стал одним из наиболее всеобъемлющих актов в области защиты персональных данных в мире, DSA и DMA обеспечивают безопасность и защиту пользователей от незаконного контента, товаров и услуг в онлайн-среде, создают равные условия для всех участников рынка, особенно для малых и средних предприятий, стимулируя инновации и развитие цифровой экономики, облегчают трансграничное предоставление услуг. Акты направлены на предотвращение антиконкурентной практики крупных платформ и создание условий для развития новых сервисов и продуктов, способствуя инновационной активности в цифровом секторе.

Аналоги отдельных положений этих актов, в частности о механизмах уведомления о незаконном контенте, правила рекламирования и таргетирования рекламы, в той или иной степени присутствуют и в законодательстве РФ. Однако акцент на правах пользователя в части большего контроля над своим онлайн-опытом, возможностей обжалования решений, принятых цифровыми платформами, понимания работы алгоритмов рекомендаций и таргетирования, а также строгие антиконкурентные требования могут быть рассмотрены в качестве направления совершенствования отечественного законодательства.

Законодательную базу Китайской Народной Республики, направленную на усиление кибербезопасности, защиту персональных данных и обеспечение национальной безопасности, составляют, в частности, Закон о безопасности киберпространства⁴, Закон о безопасности данных⁵ и Закон о защите персональной информации⁶. Эти акты устанавливают требование о хранении персональных данных, собранных на территории Китая, внутри страны, передача их за пределы государства требует оценки безопасности, проводимой государственными органами. Цифровые платформы обязаны принимать меры для предотвращения утечек, потерь или повреждений данных, а также регулярно оценивать риски, удалять незаконный или вредоносный контент и предотвращать его распространение, сотрудничать с государственными органами

¹ Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market For Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj>. (дата обращения: 27.11.2024).

² Regulation (EU) 2022/1925 of the European Parliament and of the Council of 14 September 2022 on contestable and fair markets in the digital sector and amending Directives (EU) 2019/1937 and (EU) 2020/1828 (Digital Markets Act) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/1925/oj> (дата обращения: 27.11.2024).

³ Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj> (дата обращения: 27.11.2024).

⁴ Cybersecurity Law of the People's Republic of China (Effective June 1, 2017) (translation) // URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-cybersecurity-law-of-the-peoples-republic-of-china-effective-june-1-2017/> (дата обращения: 27.11.2024).

⁵ Data Security Law of the People's Republic of China (Effective Sept. 1, 2021) (translation) // URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-data-security-law-of-the-peoples-republic-of-china/> (дата обращения: 27.11.2024).

⁶ Personal Information Protection Law of the People's Republic of China (Effective Nov. 1, 2021) (translation) // URL: <https://digichina.stanford.edu/work/translation-personal-information-protection-law-of-the-peoples-republic-of-china-effective-nov-1-2021/> (дата обращения: 27.11.2024).

по вопросам национальной безопасности, предоставляя доступ к данным при необходимости. Жесткие требования к локализации данных и сертификации, а также ограничения на импортные технологии, с одной стороны, создают дополнительные барьеры для иностранных цифровых платформ, стремящихся работать на китайском рынке, а с другой – способствуют развитию и быстрой адаптации отечественных технологий и экосистем. Также законы затрагивают использование автоматизированных решений и алгоритмов, требуя обеспечения прозрачности и недопущения дискриминации. Такие меры, безусловно, повышают уровень доверия пользователей и способствуют созданию безопасной цифровой среды, хоть и создают дополнительные сложности и расходы для бизнеса.

Мы можем обнаружить, что зарубежный опыт показывает разнообразие подходов к регулированию цифровых экосистем, обусловленное национальными приоритетами и правовыми традициями. Однако общими являются стремления государств обеспечить защиту прав граждан в части защиты их персональных данных и борьбу с незаконным и вредным контентом, поддержать честную конкуренцию и стимулировать инновации в цифровой экономике. Различия в подходах определяется степенью регуляторного вмешательства, различиями в юридических традициях и правовой культуре и, что имеет для нас наибольшее значение, приоритетами государственной политики. Одни страны базовым приоритетом называют стимулирование инноваций и развитие технологий, тогда как другие – национальную безопасность и контроль информации. Подробное изучение практик других государств может предоставить данные для совершенствования законодательной базы России.

Перспективы развития отечественного законодательства о цифровых экосистемах

Эффективное правовое регулирование цифровых экосистем требует сбалансированного подхода, направленного как на защиту прав пользователей и поддержание конкуренции, так и на стимулирование инноваций и развития рынка. Приоритетом Российской Федерации в настоящее время является обеспечение суверенитета в цифровой сфере, защита национальных интересов и контроль над информационным пространством. Российская практика показывает стремление к контролю и безопасности, но сталкивается с вызовами в области привлечения инвестиций и интеграции в глобальную цифровую экономику.

Новые технологии появляются и внедряются в бизнес-практику быстрее, чем государство успевает разработать соответствующие нормативные акты. Отсутствие четких норм приводит к правовой неопределенности, затрудняет деятельность компаний, создает риски для инвестиций и инноваций. Без должного регулирования пользователи могут оказаться незащищенными от злоупотреблений, связанных с обработкой персональных данных или киберугрозами, а судебные и регулирующие органы сталкиваются с трудностями при рассмотрении споров в цифровой среде.

Трансграничный характер цифровых экосистем вызывает сложности в определении применимого права, трудности при применении национальных судебных решений к иностранным компаниям, особенно если они не имеют представительства в стране, сложности с налогообложением цифровых услуг, предоставляемых из-за рубежа, и предотвращением уклонения от уплаты налогов. Гармонизация законодательной базы, сближение правовых норм с ведущими международными стандартами, равно как активное участие РФ в работе международных организаций по выработке правил и стандартов, могут урегулировать вопросы юрисдикции, защиты данных и налогообложения в цифровой сфере.

Для эффективного регулирования деятельности цифровых экосистем требуется динамичное и гибкое законодательство. Предлагается направить усилия на создание комплексного нормативного акта, который учитывал бы все аспекты функционирования цифровых платформ и цифровых экосистем, включая защиту данных, обеспечение конкуренции и прав потребителя, установление требований к раскрытию информации компаниями, работающими в цифровой сфере.

В таких условиях разумным может оказаться применение «регуляторных песочниц» для тестирования новых технологий под контролем. Важно, на наш взгляд, также учреждение специального регулятора, государственного органа, который будет об-

ладать компетенцией в технологических вопросах и сможет оперативно реагировать на изменения рынка, что не должно отменять идею о поддержке саморегулирования отрасли – стимулирования создания профессиональных ассоциаций и объединений, которые смогут устанавливать стандарты и нормы поведения для своих членов.

Сочетание законодательных реформ, институциональных изменений и международного сотрудничества позволит адаптировать правовую базу к современным технологическим реалиям и обеспечит баланс между стимулированием инноваций и защитой прав всех участников информационной сферы.

Список литературы

Growth and resilience through ecosystem building. May 23, 2023. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/growth-marketing-and-sales/our-insights/growth-and-resilience-through-ecosystem-building> (дата обращения: 27.11.2024).

Бурова А. Ю. Цифровая экосистема как способ ведения предпринимательской деятельности: юридический взгляд // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18. № 11(156). С. 111–117.

Карелина С. А. К вопросу о преюдициальной силе решений, вынесенных по налоговым правонарушениям, и возможности их применения в делах о несостоятельности (банкротстве) // Право и бизнес. 2020. № 1. С. 16–22.

Кузнецов П. У. Комплексный подход к правовому регулированию общественных отношений в области цифровой экономики // Российский юридический журнал. 2018. № 6(123). С. 154–161.

Маслов А. О. Современные концепции рыночной власти в конкурентном праве: российский и зарубежный опыт // Российское конкурентное право и экономика. 2024. № 1(37). С. 34–42.

Полякова В. Э. Группа компаний: понятие, особенности правового положения // СПС «КонсультантПлюс». 2019.

Санникова Л. В., Харитонов Ю. С. Правовые аспекты применения технологии распределенных реестров для формирования новой среды доверия в обществе // Гражданское право. 2018. № 5. С. 3–8.

Сафина Г. Р. Особенности функционирования бизнес-моделей, основанных на цифровых технологиях // Экономика и предпринимательство. 2023. № 7(156). С. 1289–1292.

Терентьева Л. В. Экстратерриториальность в международном частном праве // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 5. С. 183–194.

Фетюков Ф. В. Обеспечение безопасности цифровой экосистемы: теоретико-правовые перспективы взаимодействия гражданского общества и государства // Евразийский юридический журнал. 2020. № 5(144). С. 85–86.

Чеховская С. А. Новые контуры корпоративного права // Предпринимательское право. 2018. № 3. С. 31–41.

References

Burova A. Yu. (2023) Tsifrovaya ekosistema kak sposob vedeniya predprinimatel'skoi deyatel'nosti: yuridicheskiy vzglyad [Digital ecosystem as a way of doing business: legal perspective]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, vol. 18, no. 11(156), pp. 111–117.

Chekhovskaya S. A. (2018) Novye kontury korporativnogo prava [New contours of corporate law]. In *Predprinimatel'skoe pravo*, no. 3, pp. 31–41.

Fetyukov F. V. (2020) Obespechenie bezopasnosti tsifrovoi ekosistemy: teoretiko-pravovye perspektivy vzaimodeistviya grazhdanskogo obshchestva i gosudarstva [Ensuring the security of the digital ecosystem: prospects for interaction between civil society and the state]. In *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 5(144), pp. 85–86.

Growth and resilience through ecosystem building. May 23, 2023. Available at: <https://www.mckinsey.com/capabilities/growth-marketing-and-sales/our-insights/growth-and-resilience-through-ecosystem-building> (accessed: 27.11.2024).

Karelina S. A. (2018) K voprosu o preyuditsial'noi sile reshenii, vynesennykh po nalogovym pravonarusheniyam, i vozmozhnosti ikh primeneniya v delakh o nesostoyatel'nosti (bankrotstve) [On the preclusive effect of judgments issued in respect of tax offences and the possibility for their application in insolvency (bankruptcy) cases]. In *Pravo i biznes*, no. 1, pp. 16–22.

Kuznetsov P. U. (2018) Kompleksnyi podkhod k pravovomu regulirovaniyu obshchestvennykh otnoshenii v oblasti tsifrovoi ekonomiki [A complex approach towards the regulation of public relations in the field of digital economy]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 6(123), pp. 154–161.

Maslov A. O. (2024) Sovremennye kontseptsii rynochnoi vlasti v konkurentnom prave: rossiiskii i zarubezhnyi opyt [Modern concepts of market power in competition law doctrine: russian and some foreign jurisdictions cases]. In *Rossiiskoe konkurentnoe pravo i ekonomika*, no. 1(37), pp. 34–42.

Polyakova V. E. (2019) Gruppy kompanii: ponyatie, osobennosti pravovogo polozheniya [Group of companies: concept, features of legal status]. In *SPS «Konsul'tantPlyus»*.

Safina G. R. (2023) Osobennosti funktsionirovaniya biznes-modelei, osnovannykh na tsifroykh tekhnologiyakh [Particularity of functioning of business models based on digital technologies]. In *Ekonomika i predprinimatel'stvo*, no. 7(156), pp. 1289–1292.

Sannikova L. V., Kharitonova Yu. S. (2018) Pravovye aspekty primeneniya tekhnologii raspredelennykh reestrov dlya formirovaniya novoi sredy doveriya v obshchestve [Legal aspects of application of the distributed ledger technology to establish a new environment of trust in the society]. In *Grazhdanskoe pravo*, no. 5, pp. 3–8.

Terent'eva L. V. (2021) Ekstraterritorial'nost' v mezhdunarodnom chastnom prave [Extraterritoriality in private international law]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, vol. 16, no. 5, pp. 183–194.

ЕАЭС ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА: ОТ РЕГИОНАЛЬНОЙ ДЕЗИНТЕГРАЦИИ К СОЮЗНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Кушнарев Александр Сергеевич

Студент Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0000-0002-7433-1473, e-mail: kushnarev-02@list.ru.

Автор исследует актуальные проблемы развития Евразийского экономического союза в контексте экономического сотрудничества на евразийском пространстве. Особое внимание уделено вызовам, от которых зависит дальнейшее существование всего Союза. К их числу справедливо отнести разрушение однополярной системы международных отношений, формирование многополярного мироустройства, беспрецедентную санкционную политику США и западных стран в отношении центрального государства Союза – Российской Федерации, активный рост влияния на международной арене стран Азии и др. Большое значение для развития ЕАЭС по-прежнему имеет сотрудничество стран-участниц в энергетической и финансовой сферах, анализируются причины, тормозящие создание единых топливных и финансово-валютных рынков. Дополнительно в работе отмечается необходимость упорядочивания евразийского законодательства, приведения национального законодательства к единому знаменателю. Более того, в условиях протекающей информационной войны невозможно не обратить внимание на важность сохранения единого социокультурного пространства Союза, без учета которого становится иллюзорным дальнейшее развитие интеграционных процессов.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, международное сотрудничество, экономическое и энергетическое взаимодействие, социокультурный аспект

Для цитирования: Кушнарев А. С. ЕАЭС вчера, сегодня, завтра: от региональной дезинтеграции к союзной интеграции // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 5. С. 37–44. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_5_37.

THE EAEU YESTERDAY, TODAY, TOMORROW: FROM REGIONAL DISINTEGRATION TO UNION INTEGRATION

Kushnarev Alexander

Student, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0000-0002-7433-1473, e-mail: kushnarev-02@list.ru.

The author studies the current problems of the Eurasian Economic Union in the context of the development of unified economic cooperation in the Eurasian space. Particular attention is paid to the challenges, which determines the further existence of the Union. Such challenges include the destruction of the unipolar system of international relations, the formation of a multipolar world order, the unprecedented sanctions policy of the United States and Western countries against the central state of the Union – the Russian Federation, the active growth of the influence of the Asian countries in the international arena, etc. Cooperation between the member states in the energy and financial spheres remains important to the EAEU development, the reasons that hinder the creation of common fuel and financial and currency markets are analyzed. In addition, the paper notes the need to streamline Eurasian legislation, bringing national legislation to a common denominator. Moreover, in the context of the information war, it is impossible not to pay attention to the importance of preserving a common socio-cultural space of the Union, without which the further development of integration processes becomes illusory.

Key words: Eurasian Economic Union, international cooperation, economic and energy interaction, socio-cultural aspect

*For citation: Kushnarev A. (2024) The EAEU yesterday, today, tomorrow: from regional disintegration to union integration. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 37–44, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_5_37.*

Как известно, после распада СССР активизировались процессы экономической реинтеграции бывших советских республик¹. Однако последующие события, такие как международные финансовые кризисы (2007–2009 гг.), разделение мирового экономического пространства на западные (евроатлантические) и восточные (Азия и постсоветская Евразия) регионы, нарастание геополитического противостояния Российской Федерации и коалиции западных государств, волатильность цен на рынке энергоресурсов, предопределили необходимость интеграции на евразийском пространстве. Некогда существовавшие как единый производственно-хозяйственный механизм, советские республики были вынуждены вновь искать пути решения стоящих перед ними задач в экономической, энергетической и культурной сферах. Вследствие этого на территории бывшего СССР возник ряд межгосударственных блоков: Содружество Независимых Государств (СНГ), Союзное государство Беларуси и России, Единое экономическое пространство (ЕЭП), Организация Центрально-Азиатского сотрудничества (ОЦАС), Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС)². Кульминацией процесса евразийской интеграции стало образование в 2015 г. Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз), который сегодня включает Российскую Федерацию, Беларусь, Казахстан, Армению и Киргизскую Республику.

В начале пути данного наднационального объединения ряд исследователей выдвигали предположения о том, что ЕАЭС будет своего рода аналогом Европейского союза (далее – ЕС), целью которого было экономическое и политическое объединение европейских стран для обеспечения мирного сотрудничества и экономического развития государств-членов. Однако имеющий схожие цели образования Союз пошел по иному пути, характеризующемуся слабо выраженным наднациональным уровнем управления (в отличие от ЕС), доминированием Российской Федерации как центра, окруженного периферией, в то время как Европейский союз не имеет государства, которое проводило бы политику по объединению территорий вокруг себя. С учетом сложившихся факторов ЕАЭС представляет собой уникальную разновидность региональной экономической интеграции, обладающую международной правосубъектностью.

Сегодня ЕАЭС имеет перспективы дальнейшего развития и становления в качестве интеграционной модели, которая сможет конкурировать с такими крупными объединениями, как МЕРКОСУР, ЕС, ОПЕК. Однако несмотря на ежегодный стремительный рост удельных показателей экономик государств-участников, в ЕАЭС остается ряд неразрешенных вопросов в правовой, экономической, политической сферах, а также во взаимоотношениях с государствами, заинтересованными в развитии торгово-экономического сотрудничества с Союзом.

Правовой основой существования ЕАЭС является Договор о Евразийском экономическом союзе, подписанный в Астане 29 мая 2014 г. Согласно условиям Договора главными целями Союза выступают образование интеграционного пространства, где будет обеспечиваться свобода торговли, создание благоприятных условий для повышения уровня жизни населения, обеспечение проведения согласованной и единой политики в различных областях экономики и др. При этом исследователи отмечают, что статьи договора носят компромиссный характер. Это объясняет тот факт, что решение таких важных задач, как создание общего финансового регулятора, согласование по вопросам торговли энергоносителями, а также разрешение проблем ограничения торговых операций между членами организации отложено на неопределен-

¹ Мустафаев М. Г. Конституционно-правовые аспекты правовой интеграции ЕАЭС // Вестник Поволжского института управления. 2023. № 1(23). С. 22.

² Безбородов Ю. С. Сближение права на постсоветском пространстве: от унификации в рамках СНГ к интеграции в рамках ЕАЭС // *Universum Juris*. 2018. № 2. С. 2.

ный срок¹. Подобное положение дел существенно отличает ЕАЭС от ЕС: в последнем данные вопросы были поставлены «во главу угла» при создании объединения² (например, введение евро в качестве единой валюты ЕС, принятие в 1990-х гг. первых директив о создании внутреннего рынка электроэнергии и газа³). Представляется необходимым создать общие энергетические рынки, что повысит уровень энергетической безопасности и надежности функционирования топливно-энергетического комплекса Союза, его инфраструктуры, а также увеличит объемы инвестиций и торговли энергетическими ресурсами.

Продолжая тему создания единого рынка энергоресурсов, нужно упомянуть Программу формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза⁴. Согласно Программе в 2020–2025 гг. планируются слияние энергетических рынков государств-членов ЕАЭС, подготовка и согласование проекта международного договора о формировании общих рынков нефти и нефтепродуктов Союза, а с 1 января 2025 г. должен вступить в силу международный договор о формировании общих рынков нефти и нефтепродуктов Союза. Однако по состоянию на конец 2024 г. отсутствует проект международного договора в данной сфере, более того, по заявлению премьер-министра Армении Никола Пашиняна, «у стран ЕАЭС нет единого и четкого подхода по поводу построения общего рынка энергоресурсов несмотря на то, что в 2025 г. планируется запустить функционирование общих рынков газа, нефти и нефтепродуктов»⁵. Таким образом, вынуждены констатировать, что сегодня главная энергетическая задача Союза не решена, в связи с чем представляется, что само создание общего рынка будет перенесено. К сожалению, это по-прежнему будет тормозить создание не только единого энергетического рынка, но и вместе с ним единого транспортного пространства, а также не позволит увеличить объем инвестиций и торговли энергетическими ресурсами⁶.

Важно разобраться в факторах, тормозящих становление единого энергоресурсного рынка. Одним из главных факторов выступает «энергетическая асимметрия» внутри самого Союза. Так, по состоянию на 2021 г. Российская Федерация обеспечивала порядка 85 % нефтяной добычи и около 93 % добычи газа от всего энергетического потенциала ЕАЭС. Подобный дисбаланс энергетических возможностей опосредует и разные векторы развития энергетической системы: страны-импортеры нацелены на оптимизацию энергопотребления и диверсификацию своих источников энергоснабжения, в то время как для главного экспортера – России – использование возобновляемых источников энергии, увеличение энергоэффективности экономики не являются приоритетными. Вероятно, что в долгосрочной перспективе дисбаланс энергетического потенциала только увеличится, что, по мнению С. Р. Уелданова, негативно скажется на динамике процессов формирования общих энергетических рынков ЕАЭС⁷.

По-прежнему отсутствуют предпосылки создания единого финансового пространства. В ЕАЭС, в отличие от ЕС, единая валюта не была создана, переход к ней маловероятен, поскольку денежно-кредитная и налогово-бюджетная политика находятся в компетенции государств-членов Союза, более того, власти этих стран не склонны к делегации данных полномочий, выступают за сохранение национального суверенитета, а национальная валюта – его неперенный атрибут.

¹ Гапонов А. В. Современное экономическое состояние ЕАЭС: перспективы развития организации // Научный журнал. 2016. № 6(7). С. 93.

² Заславская Н. Г. Проблемы взаимодействия ЕАЭС и ЕС // Управленческое консультирование. 2017. № 11(107). С. 33.

³ Клименко Д. В. Энергетическая политика Европейского союза // Геоэкономика энергетики. 2023. № 4(24). С. 101.

⁴ Решение Высшего Евразийского экономического совета № 23 от 6 декабря 2018 г. «О формировании общих рынков нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ У стран ЕАЭС нет единого подхода по запуску общего рынка нефти и газа // Sputnik Армения. URL: <https://am.sputniknews.ru/20240202/v-tsentre-vnimanija-armenii---zapusk-obschikh-rynkov-gaza-i-nefti-v-eaes-pashinyan-71859763.html> (дата обращения: 06.10.2024).

⁶ Грибанич В. М., Суханов А. А. Энергетическая интеграция стран ЕАЭС: проблемы и перспективы // Инновации и инвестиции. 2020. № 2. С. 250.

⁷ Уелданов С. Р. Роль энергетического фактора в формировании и развитии ЕАЭС // Мировая политика. 2024. № 1. С. 47.

Продолжая обсуждение проблем функционирования ЕАЭС, нельзя не упомянуть правовую основу Союза. Прежде всего важно помнить, что Союз создавался именно как экономическое объединение, вопросы политического характера в компетенцию ЕАЭС не входили, они отнесены к компетенции других организаций (СНГ, ОДКБ), в то время как в европейском объединении вопросы политического характера находятся в компетенции ЕС. Этот фактор (компетенция союзных органов) можно назвать ключевым отличием ЕАЭС от ЕС: Европейский союз стал наднациональным объединением, высшие органы которого наделены суверенными полномочиями в большем объеме, чем страны-участницы, более того, бытует точка зрения о существовании европейской конфедерации, появлении «европейского права». В свою очередь Евразийский экономический союз суверенными полномочиями не обладает, правовую основу его существования образуют многочисленные двусторонние и многосторонние международные договоры, о существовании единой правовой системы речь не идет. Отсутствие суверенных полномочий у органов Союза влечет трудности при формировании общей правовой системы ЕАЭС, в частности¹:

правовая система Союза носит хаотичный характер, не делится на отрасли и институты, поскольку отсутствуют четко заложенные магистральные направления правового развития. В одних случаях имеется чрезмерное правовое регулирование союзных отношений, в других же игнорируются давно назревшие проблемы;

есть сложности правового регулирования отношений внутри Союза. Выше описывался пример, касающийся международного договора по вопросам формирования единого рынка энергоресурсов. В связи с отсутствием единого законодательного органа страны-участницы ЕАЭС вынуждены прибегать к созданию переговорных групп, организации многочисленных встреч дипломатов, работников министерств, постоянному согласованию позиций с главами государства, вследствие чего процесс принятия важных правовых актов затягивается на многие годы либо же они вообще не принимаются. Существование единого долгосрочного коллектива, нацеленного на создание объемного документа, нивелировало бы приведенные трудности и оптимизировало правотворческий процесс.

Таким образом, формирование единой правовой системы Союза требует больших материальных, человеческих, финансовых и организационных затрат, чем правотворческий процесс в Европейском союзе, что затормаживает складывание единого евразийского законодательства, при этом отсутствует единый вектор правового регулирования, назревшие вопросы остаются неурегулированными многие годы.

Выше уже говорилось о суверенном характере органов ЕС, их компетенции, приоритете европейского законодательства над национальным. Касаемо Евразийского экономического союза нельзя однозначно сказать о существовании единого механизма имплементации решений высших органов Союза. Так, Конституция РФ допускает участие в межгосударственных объединениях и передачу им части полномочий в соответствии с международными договорами; общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры считаются частью правовой системы Российской Федерации. Однако прямого ответа на вопрос о месте актов органов международных организаций, в нашем случае ЕАЭС, нет. Сами акты органов Союза по своей природе не относятся ни к международным договорам, ни к общепризнанным принципам и нормам международного права, что требует разработки механизма имплементации норм ЕАЭС в отечественную правовую систему.

Аналогичная ситуация в законодательстве Республики Беларусь. В ст. 10 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» допускается принятие нормативных правовых актов, направленных на реализацию международных договоров и иных международно-правовых актов в случаях, если их исполнение невозможно без принятия соответствующих нормативных правовых актов или если из их содержания следует необходимость принятия национальных нормативных правовых актов. При этом конкретная процедура и порядок принятия подобных актов законом не установлены.

Таким образом, отсутствие механизмов имплементации решений высших органов Евразийского экономического союза негативно сказывается на перспективах углу-

¹ Козлов Д. В. Формирование единого законодательства в рамках ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 3(33). С. 64.

бления евразийского интеграционного процесса, что обуславливает необходимость создания единого механизма имплементации актов Союза в национальные правовые системы, а также придание им обязательного характера¹.

Более перспективным направлением развития Союза является его взаимодействие с иностранными государствами, международными организациями. В настоящее время Узбекистану², Кубе³ и Молдове⁴ предоставлен статус наблюдателя в этом объединении, с Сербией⁵, Сингапуром⁶ и Вьетнамом⁷ заключены соглашения о свободной торговле. Взаимодействие Союза с данными государствами свидетельствует о его авторитетности, желании иностранных государств сотрудничать с ним.

Однако сегодня перед ЕАЭС стоят серьезные вызовы, от которых зависит дальнейшее развитие самого интеграционного объединения. Прежде всего речь идет о конфронтации с западными странами, санкционном давлении на Российскую Федерацию. Уже сказано, что особенностью Союза является формирование экономического потенциала вокруг России, экономика которой по сути определяет динамику экономической конъюнктуры всего Союза. С учетом беспрецедентного санкционного давления блока западных стран, продолжающегося конфликта на Украине, обострения ситуации на Ближнем Востоке экономики стран-членов ЕАЭС ориентируются в первую очередь на национальные интересы, не желая попасть под санкционные ограничения США и ЕС (см., например, заявление Казахстана о соблюдении санкционного режима в отношении Российской Федерации)⁸. «Турбулентность» затронула взаимоотношения не только внутри Союза, но и с иностранными государствами. Ряд перспективных партнеров ЕАЭС прервали переговоры о сотрудничестве и присоединились к санкциям против Российской Федерации и Республики Беларусь, в частности Республика Корея, Новая Зеландия, Сингапур. Таким образом, сегодня Союз находится в одной из важнейших точек своего интеграционного развития, продолжение интеграции и одновременное влияние сил, ей противодействующих, осложняют деятельность Союза. Лишь при грамотной и рациональной политике сотрудничества возможно не только сохранение достигнутых удельных показателей развития ЕАЭС, но и их прирост в ближайшем будущем.

Невозможно оставить без внимания и духовно-культурный аспект евразийской интеграции. По справедливому мнению директора международных программ Института национальной стратегии России Юрия Солозובה, общность культурного пространства Союза (наряду с энергетикой, оборонным пространством) связывает незримыми узами все страны-участницы ЕАЭС⁹. Ключевой проблемой культурно-ду-

¹ Астапенко И. В. Нормотворческие процедуры в ЕАЭС // Юридический вестник Самарского университета. 2024. № 1(10). С. 38.

² Решение ВЕЭС № 14 от 11 декабря 2020 г. «О предоставлении Республике Узбекистан статуса государства-наблюдателя при Евразийском экономическом союзе». URL: http://docs.eaeunion.org/docs/ruru/01428324/err_12012021_14 (дата обращения: 07.10.2024).

³ Решение ВЕЭС № 13 от 11 декабря 2020 г. «О предоставлении Республике Куба статуса государства-наблюдателя при Евразийском экономическом союзе». URL: http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01428322/err_12012021_13 (дата обращения: 07.10.2024).

⁴ Решение ВЕЭС № 9 от 14 мая 2018 г. «О предоставлении Республике Молдова статуса государства-наблюдателя при Евразийском экономическом союзе». URL: http://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417793/scd_16052018_9 (дата обращения: 07.10.2024).

⁵ Соглашение о зоне свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сербия, с другой стороны. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Сербия/EAEU%20Serbia%20FTA%20%28rus%29.pdf (дата обращения: 07.10.2024).

⁶ Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Республикой Сингапур, с другой стороны. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Сингапур/EAEU-Singapore%20FTA_Main%20Agreement.pdf (дата обращения: 07.10.2024).

⁷ Соглашение о свободной торговле между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Социалистической Республикой Вьетнам, с другой стороны. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/sogl_torg/Documents/Вьетнам/EAEU-VN%20FTA_rus.pdf (дата обращения: 07.10.2024).

⁸ Российский «пояс соседства» в условиях санкционной войны: Научный доклад / под ред. Л. Б. Вардомского и др. М.: Ин-т экономики РАН, 2022.

⁹ Соколай О. «Латинизация» в Казахстане: *Alea jacta est!* // Ритм Евразии. 2018. 14 мар. URL: <https://www.ritm Eurasia.ru/news--2018-03-14--latinizacija-v-kazahstane-alea-jacta-est-i-35392> (дата обращения: 07.10.2024).

ховного развития евразийского пространства выступает снижение значимости русского языка, русской культуры, что влечет сокращение русскоговорящего населения на территориях стран, вовлеченных в интеграционное взаимодействие. Начиная с 1990-х гг. в постсоветских странах наметилась тенденция к сокращению количества русскоязычных школ. Например, вместо 20 тыс. русскоязычных школ на территории бывших союзных республик в момент распада СССР сегодня действует около 7 тыс.¹ Снижение значимости русского языка, сокращение русскоязычного населения ведут к весьма опасному и губительному для всего Союза последствию – снижению привлекательности проекта интеграции для населения постсоветского пространства, в то время как для эффективного развития интеграционного объединения нужны инструменты, способные наполнить смыслом идеологию интеграционных процессов, обеспечить формирование единых ценностных ориентиров, создать духовное единство населения, проживающего на территории Союза². В связи с этим актуализируется необходимость развития процессов, направленных на создание единого образовательного пространства.

Показателен опыт нашей alma mater (Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева): в 2022 г. создан Консорциум «Европейско-Азиатский правовой университет»³, объединяющий ведущие юридические университеты государств-членов и государств-наблюдателей ЕАЭС, а также государств, заинтересованных в развитии торгово-экономического сотрудничества с ЕАЭС. Создание Консорциума напрямую способствует подготовке конкурентоспособных юридических кадров Союза, а также интенсивному развитию евразийской экономической интеграции. Важно понимать, что формирование интеграционных процессов ни в коем случае нельзя рассматривать в отрыве от проблем сокращения русскоязычного населения на территории Союза, без учета культурно-духовного аспекта интеграции невозможно дальнейшее эффективное развитие Союза, необходимо проведение сбалансированной политики гармонизации в образовательной и культурной сферах.

Подводя итоги настоящего исследования, необходимо заключить, что ЕАЭС – прогрессивное экономическое объединение, имеющее огромные перспективы по интеграции экономик стран-участниц. К Евразийскому экономическому союзу приковано пристальное внимание не только потенциальных членов (Узбекистан, Куба и др.), но и противоборствующих сил (ЕС, США), которые не могут допустить серьезного экономического конкурента на евразийском пространстве. В связи с чем санкционная политика против Российской Федерации выступает главным вызовом для Союза, в случае успешного противостояния давлению западных государств ЕАЭС сможет доказать эффективность и надежность своего функционирования, что придаст авторитетности Союзу в глазах иностранных государств и международных объединений. Помимо противостояния внешней угрозе по-прежнему важной задачей ЕАЭС является создание общего финансового рынка и общего рынка энергоносителей стран Союза. Осуществление этих проектов может стать переломным моментом в развитии интеграционных процессов на постсоветском пространстве. По результатам реализации данных планов можно будет судить об успешности всего проекта ЕАЭС. Значимым направлением сотрудничества по-прежнему остается формирование единой правовой системы, создание единого механизма имплементации нормативных правовых актов Союза в национальные правовые системы. Недопустимо пускать на самотек и разрешение проблем в духовной, образовательной и культурной сферах, важно разработать выверенную и грамотную политику по созданию единой культурно-гуманитарной зоны на территории стран-участниц ЕАЭС, особое внимание нужно уделить развитию молодежного научно-образовательного сотрудничества, направленного на содействие профессиональному росту молодых научных кадров на всем евразийском пространстве, что обеспечит становление молодежи в качестве ключевого актора последующего эффективного развития Союза. В этом ключе невозможно не со-

¹ Немчинова Т. С., Музалев А. А. Экспорт образования как инструмент интеграции стран-участников Евразийского экономического союза // Евразийский юридический журнал. 2016. № 1(92). С. 52.

² Худоренко Е. А. Культурно-образовательный аспект интеграционного потенциала ЕАЭС // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. № 2(2). С. 516.

³ В ЕАЭС создан научно-образовательный правовой консорциум // О консорциуме. URL: <https://lawcongress.ru/about/> (дата обращения: 07.10.2024).

гласиться со словами премьер-министра Армении Никола Пашиняна: «Интеграция наших стран в конечном итоге должна служить созданию комфортных условий для ведения бизнеса и полноценной реализации человеческого потенциала... Результаты интеграции должны быть ощутимы для всех. Интеграция примет необратимый характер, если в ней будут заинтересованы простые люди»¹.

Список литературы

Астапенко И. В. Нормотворческие процедуры в ЕАЭС // Юридический вестник Самарского университета. 2024. № 1(10). С. 38–44.

Безбородов Ю. С. Сближение права на постсоветском пространстве: от унификации в рамках СНГ к интеграции в рамках ЕАЭС // *Universum Juris*. 2018. № 2. С. 2.

Гапонов А. В. Современное экономическое состояние ЕАЭС: перспективы развития организации // Научный журнал. 2016. № 6(7). С. 93–95.

Грибанич В. М., Суханов А. А. Энергетическая интеграция стран ЕАЭС: проблемы и перспективы // Инновации и инвестиции. 2020. № 2. С. 248–250.

Заславская Н. Г. Проблемы взаимодействия ЕАЭС и ЕС // Управленческое консультирование. 2017. № 11(107). С. 33–39.

Клименко Д. В. Энергетическая политика Европейского союза // Геоэкономика энергетики. 2023. № 4(24). С. 101–118.

Козлов Д. В. Формирование единого законодательства в рамках ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 3(33). С. 61–66.

Мустафаев М. Г. Конституционно-правовые аспекты правовой интеграции ЕАЭС // Вестник Поволжского института управления. 2023. № 1(23). С. 22–28.

Немчинова Т. С., Музалев А. А. Экспорт образования как инструмент интеграции стран-участников Евразийского экономического союза // Евразийский юридический журнал. 2016. № 1(92). С. 52–57.

Российский «пояс соседства» в условиях санкционной войны: Научный доклад / под ред. Л. Б. Вардомского и др. М.: Ин-т экономики РАН, 2022. 118 с.

Соколай О. «Латинизация» в Казахстане: *Alea jacta est!* // Ритм Евразии. 2018. 14 марта. URL: <https://www.ritmeurasia.ru/news--2018-03-14--latinizacija-v-kazahstane-alea-jacta-est-i-35392> (дата обращения: 07.10.2024).

Уелданов С. Р. Роль энергетического фактора в формировании и развитии ЕАЭС // Мировая политика. 2024. № 1. С. 44–57.

Худоренко Е. А. Культурно-образовательный аспект интеграционного потенциала ЕАЭС // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2019. № 2(2). С. 516–520.

References

Astapenko I. V. (2024) Normotvorcheskie protsedury v EAES [Norm-setting procedures in the EAEU]. In *Yuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta*, no. 1(10), pp. 38–44.

Bezborodov Yu. S. (2018) Sblizhenie prava na postsovetskom prostranstve: ot unificatsiyi v ramkakh SNG k integratsii v ramkakh EAES [Convergence of Law in the Post-Soviet Space: from Unification within the CIS to Integration within the EAEU]. In *Universum Juris*, no. 2, p. 2.

Gaponov A. V. (2016) Sovremennoe ekonomicheskoe sostoyanie EAES: perspektivy razvitiya organizatsii [Current economic state of the EAEU: prospects for the development of the organization]. In *Nauchnyi zhurnal*, no. 6(7), pp. 93–95.

Gribanich V. M., Sukhanov A. A. (2020) Energeticheskaya integratsiya stran EAES: problemy i perspektivy [Energy integration of the EAEU countries: problems and prospects]. In *Innovatsii i investitsii*, no. 2, pp. 248–250.

Khudorenko E. A. Kul'turno-obrazovatel'nyi aspekt integratsionnogo potentsiala EAES [Cultural and Educational Aspect of the EAEU Integration Potential]. In *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo*, no. 2(2), pp. 516–520.

Klimenko D. V. (2023) Energeticheskaya politika Evropeiskogo soyuza [Energy Policy of the European Union]. In *Geoekonomika energetiki*, no. 4(24), pp. 101–118.

Kozlov D. V. (2020) Formirovanie edinogo zakonodatel'stva v ramkakh EAES [Formation of unified legislation within the EAEU]. In *Evraziyskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika*, no. 3(33), pp. 61–66.

Mustafaev M. G. (2023) Konstitutsionno-pravovye aspekty pravovoi integratsii EAES [Constitutional and legal aspects of EAEU legal integration]. In *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*, no. 1(23), pp. 22–28.

¹ Никол Пашинян принял участие в заседании Высшего Евразийского экономического совета: председательство в ЕАЭС перешло Армении // Официальный сайт премьер-министра Республики Армения. URL: <https://www.primeminister.am/ru/press-release/item/2018/12/06/EAEU-meeting/> (дата обращения: 07.10.2024).

Nemchinova T. S., Muzalev A. A. (2016) Eksport obrazovaniya kak instrument integratsii stran-uchastnikov Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza [Export of education as a tool for integration of the Eurasian Economic Union member states]. In *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 1(92), pp. 52–57.

Sokolai O. (2018) «Latinizatsiya» v Kazakhstane: Alea jacta est! [«Romanization» in Kazakhstan: Alea jacta est!]. In *Ritm Evrazii*, 14 March, available at: <https://www.ritm Eurasia.ru/news--2018-03-14--latinizaciya-v-kazahstane-alea-jacta-est-i-35392> (accessed: 07.10.2024).

Ueldanov S. R. (2024) Rol' energeticheskogo faktora v formirovanii i razvitii EAES [The role of the energy factor in the formation and development of the EAEU]. In *Mirovaya politika*, no. 1, pp. 44–57.

Vardomskii A. B. (Ed.) (2022) *Rossiiskii «poyas sosedstva» v usloviyakh sanktsionnoi voyny* [The Russian «neighborhood belt» in the context of the sanctions war: Scientific report]. Moscow, Institut ekonomiki RAN, 118 p.

Zaslavskaya N. G. (2017) Problemy vzaimodeistviya EAES i ES [Problems of interaction between the EAEU and the EU]. In *Upravlencheskoe konsul'tirovanie*, no. 11(107), pp. 33–39.

ИНИЦИАТИВЫ И ОСОБЕННОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА ГОСУДАРСТВ ПО ВОПРОСАМ БЕЗОПАСНОСТИ В РАМКАХ ШОС

Мецлер Валерия Эдуардовна

Студент Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург), ORCID: 0009-0000-4920-685X, e-mail: vmetzler2002@yandex.ru.

В статье рассматривается роль Российской Федерации во взаимодействии в области обеспечения безопасности в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Анализируются предпринимаемые государством меры по созданию правовых и институциональных механизмов обеспечения безопасности в рамках ШОС. Оценивается эффективность созданных механизмов. Автор подчеркивает национальный интерес России в развитии сотрудничества по поддержанию мира и безопасности в регионе Центральной Азии, объясняющийся нестабильностью в Афганистане, граничащем с тремя членами Организации. Отмечается особая роль России в периоды своего председательства в ШОС, в связи с чем вопросы безопасности вышли на новый уровень, что позволило научному сообществу, в том числе зарубежным коллегам, говорить о наличии огромного потенциала у Организации. Раскрываются возникающие в ШОС проблемы и вызовы, связанные с противоречием национальных интересов стран-членов. Предлагаются меры по решению существующих противоречий путем координации интересов стран-членов. Отмечается важность развития сотрудничества в области безопасности в рамках Организации. Делаются выводы о роли России в деятельности ШОС и о ее эффективности с учетом существующих вызовов.

Ключевые слова: регионализм, региональная безопасность, сотрудничество, механизмы обеспечения безопасности, ШОС

Для цитирования: Мецлер В. Э. Инициативы и особенности сотрудничества государств по вопросам безопасности в рамках ШОС // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 5. С. 45–51. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_5_45.

INITIATIVES AND FEATURES OF COOPERATION BETWEEN STATES ON SECURITY ISSUES WITHIN THE FRAMEWORK OF THE SCO

Metsler Valeria

Student, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg), ORCID: 0009-0000-4920-685X, e-mail: vmetzler2002@yandex.ru.

The article examines the role of the Russian Federation in the implementation of security cooperation within the framework of the Shanghai Cooperation Organization. The measures taken by the state to create legal and institutional mechanisms for ensuring security within the framework of the SCO are analyzed. The effectiveness of the created mechanisms is evaluated. The author emphasizes Russia's national interest in developing cooperation to maintain peace and security in the Central Asian region, due to the instability in Afghanistan, bordering the three members of the SCO. Russia's special role during its presidency of the Organization is noted, in connection with which security issues have reached a new level, which made it possible to talk about the huge potential of the Organization among the scientific community, including foreign colleagues. The problems and challenges arising in the SCO related to the contradiction of the national interests of the Organization's member countries are revealed. Measures are proposed to resolve existing contradictions by coordinating interests among the member countries of the Shanghai Cooperation Organization. The importance of developing security cooperation within the Organization is no-

ted. Conclusions are drawn about Russia's role in the activities of the SCO and its effectiveness, taking into account existing challenges.

Key words: regionalism, regional security, cooperation, security mechanisms

*For citation: Metsler V. (2024) Initiatives and features of cooperation between states on security issues within the framework of the SCO. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 45–51, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_5_45.*

Договором о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 г.¹ обозначена ведущая роль России и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества (далее – ШОС). С этого момента внутри нее существует негласная договоренность по распределению обязанностей, или, иначе называя, ответственности, в регионе Центральной Азии². Тем самым за Россией закрепилась задача по обеспечению безопасности в регионе, а Китай стал ответственным за экономическое сотрудничество стран-членов. Другие государства, входящие в ШОС, не возражали по поводу такого распределения обязанностей, поскольку им предоставлялась свобода для обеспечения своих политических и экономических интересов.

Нестабильность в Афганистане, граничащем с тремя странами-членами ШОС, резко повысила актуальность вопросов безопасности для Организации. Россия с самого начала деятельности активно продвигает идею укрепления безопасности в регионе. Уже в 1999 г. на саммите в Бишкеке Россия выступила за совместные действия в сфере безопасности. В 2001 г. по российской инициативе страны разработали единый подход к борьбе с терроризмом и экстремизмом, а также обязались не допускать на своей территории действий, угрожающих суверенитету и безопасности других государств. Это нашло отражение в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, подписанной 15 июня 2001 г.³ В ст. 1 Конвенции впервые закреплено понятие «терроризм».

События 11 сентября 2001 г. в США и ситуация в Афганистане побудили Россию активизировать практическую деятельность ШОС. В январе 2002 г. по инициативе России состоялась внеочередная встреча министров иностранных дел стран-членов ШОС, где особое внимание уделили ситуации в Афганистане. ШОС подчеркнула право афганского народа самостоятельно выбирать форму правления и предупредила, что попытки внешнего вмешательства могут привести к новому кризису в регионе⁴. Далее, 6 июня 2002 г. на саммите в Санкт-Петербурге была принята Хартия Шанхайской организации сотрудничества, которая официально закрепила ее статус полноценной региональной организации. Также были созданы Антитеррористическая структура и Секретариат, что усилило практические возможности ШОС.

Проявлением особых инициатив со стороны России в рамках ШОС характеризуются 2008–2009 гг. и 2014–2015 гг. (периоды ее председательства в Организации). Причиной этого стало ухудшение обстановки на Ближнем и Среднем Востоке (к примеру, «цветные революции»). Поэтому в таких условиях восточный вектор внешней политики стал жизненно необходимым, тем самым укрепил партнерские связи России с азиатскими странами как на двустороннем, так и на многостороннем уровне.

В 2008–2009 гг. Россия, председательствуя в ШОС, стремилась углубить сотрудничество между странами-членами, опираясь на Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (подписанный 16 августа 2007 г. в Бишкеке) и актив-

¹ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой (Москва, 16 июля 2001 г.). URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 10.10.2024).

² Конаровский М. А. Россия – ШОС: некоторые элементы стратегии // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11. № 4. С. 150.

³ URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 10.10.2024).

⁴ Совместное заявление министров иностранных дел государств-участников Шанхайской организации сотрудничества. Пекин, 7 января 2002 г. // Министерство иностранных дел РФ: офиц. сайт. 2002. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/obschchie_voprosy_mezhdunarodnoy_bezopasnosti_i_kontrolya_nad_vooruzheniyami/1628885/?TSPD_101_R0=08765fb817ab200068132adc8871460bde01e8c67ad06eb97c0012cbc65d0ed14678d041b07ebec0873bdf815143000d5db594305cf0de19300a6718fb641f42e0390271a466acc2d8b18670b49a15a7e2361e7a82b0603a074e38d77594f7f (дата обращения: 10.10.2024).

но противодействуя новым вызовам и угрозам. Так, были приняты: Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма от 16 июня 2009 г., ставшая основой сотрудничества в обеспечении безопасности в рамках ШОС; Программа сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2010–2012 гг.; Соглашение о подготовке кадров для антитеррористических формирований государств-членов Шанхайской организации сотрудничества от 2 октября 2010 г. Также по инициативе России была проведена международная конференция, по итогам которой была принята «общая декларация и отдельные документы между Шанхайской организацией сотрудничества и Исламской Республикой Афганистан о противодействии исходящим из Афганистана вызовам региональной стабильности»¹.

В 2014–2015 гг. Россия, председательствуя в ШОС, вновь выдвинула на первый план вопрос безопасности в регионе. Перед Организацией на тот момент стояло два основных вопроса. Во-первых, необходимость разработки новой Стратегии развития ШОС на ближайшее десятилетие. Во-вторых, важность запуска процесса вступления в Организацию Индии и Пакистана. В связи с этим в июле 2015 г. в Уфе был проведен саммит, по итогам которого была принята Стратегия развития ШОС, также участники «рельефно очертили общность подходов государств-членов к коренным вопросам современного миропорядка, к проблематике разоружения, урегулирования международных и региональных проблем, мирного использования космоса, информационной безопасности, формирования более справедливой международной финансовой структуры»². Стоит отметить, что в преддверии саммита в Уфе состоялась престижная международная конференция «Безопасность и стабильность в регионе ШОС» в Москве, которая подтвердила значимость и качество ШОС как «одной из ключевых и эффективных международных площадок для ведения широкого диалога... по противодействию традиционным и новым вызовам и угрозам»³.

С целью обеспечения региональной безопасности и увеличения влияния Шанхайской организации сотрудничества Российская Федерация с самого начала ее формирования выступала за расширение Организации. Несмотря на наличие критериев и принципов для приема новых членов в ШОС с начала существования Организации, до 2006 г. на этот процесс был наложен мораторий по взаимному согласию стран-участниц, что было связано с необходимостью укрепления институциональных основ ШОС и расширения форматов взаимодействия. На саммите в Душанбе в 2014 г. страны пришли к консенсусу по процедуре расширения Организации. Абсолютным достижением российского председательства в 2014–2015 гг. стал запущенный процесс расширения ШОС за счет Индии и Пакистана, а также предоставление Белоруссии статуса наблюдателя, а Азербайджану, Армении, Камбодже и Непалу – партнеров по диалогу. Стоит отметить, что Россия еще в 2012 г. поддержала заявку Индии на вступление в ШОС в качестве полноправного члена. Расширение ШОС позволило ей подняться на новый геополитический уровень, повысив ее международный авторитет и закрепив ее стратегическую жизнеспособность.

Помимо этого Россия во время своего председательства активно привлекала к деятельности ШОС Афганистан, который в будущем смог приобрести статус «наблюдателя». Учитывая угрозы, исходящие от Афганистана, привлечь его к деятельности было стратегически верным решением. На официальные мероприятия ШОС часто приезжал президент Афганистана. Россия в 2007 г. предложила провести международную конференцию по Афганистану для выработки рекомендаций по афганскому вопросу. В 2008 г. на Душанбинском саммите активное участие по этому же вопросу принял президент Узбекистана, предложив возобновить деятельность контактной группы «6 + 3», работавшей под эгидой ООН. Но впоследствии единая позиция выработана не была, а конкретные результаты по решению афганского вопроса так и не достигнуты.

В целях расширения влияния Организации, стабилизации обстановки в Афганистане, а также для обеспечения дополнительного периметра безопасности вдоль

¹ Лукин А. В. ШОС: итоги российского председательства // ИнфоШОС. 2009. 22 окт. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=5012> (дата обращения: 10.10.2024).

² Конаровский М. А. Указ. соч. С. 153.

³ Совместное заявление Конференции высокого уровня «Безопасность и стабильность в регионе ШОС» // ИнфоШОС: сайт. URL: <http://infoshos.ru/ru/?id=124> (дата обращения: 10.10.2024).

границ России она выступает за расширение взаимодействия с Организацией Договора о коллективной безопасности (далее – ОДКБ). По мнению Российской Федерации, ОДКБ и ШОС могли бы действовать как взаимодополняющие структуры, несмотря на то что процедуры принятия решений в этих организациях различны; также сотрудничество данных организаций будет выступать в качестве основы для региональной системы безопасности. Однако объединению возможностей ШОС и ОДКБ препятствуют политические конфликты между странами Центральной Азии. Китай и государства Центральной Азии не поддержали инициативу России. Соответственно, необходима общая координация интересов внутри ШОС. Россия заинтересована в укреплении межведомственных связей на региональном уровне с ОДКБ и другими региональными институтами Евразии, а на глобальном уровне – с ООН¹. В настоящее время установлены контакты и заключены правовые акты, упрощающие сотрудничество между Региональной антитеррористической структурой ШОС (далее – РАТС ШОС) и Контртеррористическим комитетом ООН, Управлением ООН по наркотикам и преступности и Интерполом. Вступление в 2017 г. Индии и Пакистана в ШОС говорит о том, что политическое и военное сотрудничество в рамках ШОС будет продолжаться в рамках консенсуса и «форумных» форматов².

Отличительной чертой нынешнего этапа деятельности ШОС в области безопасности является выход за региональные границы на глобальный уровень. Председательство России в ШОС включило вопросы контроля над вооружением в повестку дня Организации. Таким образом, она становится важным форумом для обсуждения широкого круга вопросов безопасности, стоящих перед Евразией и миром в целом.

При обсуждении роли России в создании правовых и институциональных механизмов сотрудничества государств-членов ШОС в рамках уголовно-правового направления нельзя не отметить принимаемые практические меры.

Россия участвует в очень важном механизме поддержания правопорядка и координации деятельности Организации в области безопасности: встречи секретарей советов безопасности, встречи советов глав государств и т. д., где и обсуждают насущные вопросы, а также выдвигает инициативы по поводу сотрудничества, о чем было сказано выше.

Подчеркивая невоенный характер ШОС, Россия регулярно участвует в проведении ШОС совместных антитеррористических учений, в ходе которых государства-члены отрабатывают методы и навыки, связанные с проведением совместных операций. Сегодня существует три типа учений: для сил специального назначения и правоохранительных органов; совместные пограничные операции; совместные антитеррористические военные учения, называемые Мирными миссиями³.

В рамках учения «Мирная миссия-2007» В. Путин отметил возможность регулярного проведения учений с участием стран-наблюдателей Шанхайской организации сотрудничества. Учения, проведенные в 2007 г. на полигоне «Чербакуль» в Челябинской области, в которых приняли участие около 7,5 тыс. военнослужащих, инициированные Россией, по мнению ряда западных экспертов, указали на возможность зарождения альтернативы НАТО и формирования противостоящего ему блока.

Среди учений стоит обратить внимание и на «Мирную миссию-2021» (участие приняли: Индия, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Пакистан, Таджикистан и Узбекистан, впервые участвовала Белоруссия), состоявшуюся в середине сентября 2021 г. в Оренбургской области. Учебно-боевые задачи отрабатывались с учетом динамичной военно-политической обстановки в Центральной Азии, внимание акцентировалось на противодействии беспилотным летательным аппаратам и предотвращении террористических атак с применением химического и биологического оружия. Всего в учении было задействовано более 3,4 тыс. военнослужащих, из них от России участвовало около 2 тыс. человек личного состава; а также 600 единиц вооружения, военной и специальной техники, из них 350 единиц – от России.

Также стоит отметить, что 201-я российская военная база на территории Таджикистана охраняет его границу с Афганистаном. Совместные российско-кыргызские во-

¹ The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons / ed. by S. Marochkin, Yu. Bezborodov. L.; N. Y.: Routledge, 2022. P. 45.

² Ibid. P. 47.

³ Ibid. P. 41.

енные учения, например в 2013 г., направлены на отработку методов противостояния террористическим угрозам на границе Кыргызстана. Российские военные расходы значительно превосходят аналогичные показатели других стран Центральной Азии (в 26 раз – Казахстан, в 564 раза – Кыргызстан, в 362 раза – Таджикистан, данные по Узбекистану отсутствуют). Этот факт подчеркивает, что тесные отношения с Россией предоставляют странам региона определенный уровень безопасности, а результаты учений указывают на важную роль России в построении такого практического механизма сотрудничества.

Однако в рамках сотрудничества стран-членов ШОС наблюдаются определенные расхождения в подходах к определению направленности деятельности ШОС, препятствующие созданию эффективных механизмов обеспечения безопасности. ШОС представляет собой сложную региональную организацию, в которой используются три различные модели регионализма: российский «постсоветский регионализм»; китайский «азиатский регионализм» и «виртуальный регионализм» стран-членов Центральной Азии¹.

«Постсоветский регионализм характеризуется своей низкой эффективностью, во многом обусловленной искусственным характером связей, выстраиваемых сверху донизу, отсутствием единой интеграционной стратегии государств и существенными различиями в управлении и экономической системе»². Россия стремится восстановить свое бывшее влияние посредством интеграционных инициатив, что нередко вызывает негативную реакцию у ее партнеров. Таким образом, отличительными чертами постсоветского регионализма являются его закрытый характер и протекционизм, которые подрывают стремление России создавать структуры, сильные как юридически, так и институционально.

Китайский азиатский регионализм определяется, прежде всего, в рыночных терминах. Декларативность правовых актов, глубокие идеологические и культурные различия, боязнь создания официальных наднациональных органов, боязнь угрозы потери суверенитета – все это характеризует китайский регионализм, который также препятствует созданию региональной системы безопасности³. Китай в рамках ШОС больше нацелен на установление двусторонних экономических отношений и ставит приоритетом инвестирование в нефтегазовую промышленность региона. Такая политика Китая связана с «шанхайским духом», который состоит из четырех принципов: «открытый регионализм», «совместная безопасность», «мягкий регионализм», «консенсус». «Этот кодекс поведения включает в себя набор хорошо известных принципов: невмешательство во внутренние дела, неприменение силы, мирное урегулирование споров, уважение суверенитета и территориальной целостности государств»⁴.

Регионализм стран-членов Центральной Азии или, по-другому, «виртуальный регионализм» характеризуется преобладанием политического характера деятельности, осуществлением в основном политической функции, превалированием двусторонних форматов отношений над многосторонними, отсутствием истинных интеграционных процессов и предпочтением «защитной интеграции», проявляющейся в выражении солидарности против определенных процессов, которые могут расцениваться как вызов созданным в странах политическим режимам и их лидерам⁵. Такая модель регионализма по своей сути выполняет политическую функцию отстаивания суверенных интересов стран Центральной Азии.

Лидирующие роли в Шанхайской организации сотрудничества, безусловно, занимают Россия и Китай, однако их цели и возможности отличаются. ШОС является региональной институцией, которая в большей степени следует модели азиатского регионализма с большим акцентом на меры укрепления доверия и не имеющие обя-

¹ The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons. P. 39.

² Лагутина М. Л., Погодин С. Н. Две модели регионализма для ШОС: российская или китайская? // Российско-китайское региональное сотрудничество: новые вызовы и возможности: материалы V междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 11–12 ноября 2021 года. Новосибирск: Новосибирский гос. техн. ун-т, 2021. С. 46.

³ The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons. P. 39.

⁴ Лагутина М. Л., Погодин С. Н. Указ. соч. С. 46.

⁵ The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons. P. 40.

зательной юридической силы механизмы безопасности, что не согласуется с политикой России.

Вопросы безопасности всегда были движущей силой сближения между странами региона, но при выработке общих позиций по региональным проблемам страны-члены сталкиваются с некоторыми политическими разногласиями из-за своих национальных интересов. Для Китая формат Организации, объединяющей страны Центральной Азии, Россию и непосредственно Китай, более удобен для продвижения своих экономических интересов в регионе, однако Россия рассматривает ШОС как режим безопасности с сильным военным измерением. В связи с кризисом 2014 г. на Украине страны Центральной Азии стали опасаться непредсказуемой внешней политики России и возможных негативных экономических последствий для Центральной Азии из-за западных санкций, введенных против России.

Еще одной проблемой является взаимодействие ШОС и ОДКБ, о котором говорилось выше. Китай рассматривает это как попытку России усилить политический и военный элемент в деятельности ШОС, в то время как Китай гораздо больше заинтересован в продвижении Организации как многопрофильной структуры с сильным компонентом социально-экономического развития. Именно поэтому инициатива не была поддержана.

Следовательно, с учетом противоречивых национальных интересов механизм обеспечения безопасности, который Россия пытается наладить в рамках ШОС, не может стать действенным, пока страны-члены ШОС не упорядочат структуру постоянных органов Организации, четко не кодифицируют их обязанности и полномочия, а также не разработают устойчивые механизмы и источники финансирования. Рекомендуется скоординировать интересы внутри ШОС, институционализировать РАТС ШОС, придать ей статус, аналогичный Интерполу, увеличить объем финансовой помощи, предоставляемой Китаем и Россией другим странам ШОС для модернизации их учебных баз, и укрепить правовую базу сотрудничества в области безопасности.

Таким образом, отрицая милитаристский характер сотрудничества с государствами Центральной Азии в рамках ШОС, Россия все-таки делает основной упор на силовое сопротивление «трем силам зла». Конечно, маловероятно, что Шанхайская организация сотрудничества сможет стать реальным военным институтом для решения таких задач, но в целом она способна стать эффективной площадкой для обсуждения. Согласно Концепции внешней политики Российской Федерации деятельность ШОС рассматривается, во-первых, как ключевой фактор формирования многополярного мира, способствуя созданию коллективного лидерства; во-вторых, как неотъемлемая часть сети регионального сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе, укрепляя партнерские отношения между странами; в-третьих, как важный игрок в стабилизации ситуации в Афганистане вместе с другими международными организациями. Тем самым прослеживается заинтересованность России в организации сотрудничества в рамках ШОС со странами Центральной Азии. Российская Федерация изначально играла важную роль в деятельности ШОС, став одной из лидирующих (наряду с Китаем) стран-членов и определив основные направления и механизмы сотрудничества, которые по сей день реализуются в рамках данной Организации. Однако перед Россией встают вызовы, исходящие от других стран-членов ШОС, заключающиеся в противоречии национальных интересов, связанных со взглядом на приоритетные направления деятельности Организации, их необходимо решить в кратчайшие сроки.

Список литературы

Конаровский М. А. Россия – ШОС: некоторые элементы стратегии // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11. № 4. С. 149–161.

Лагутина М. Л., Погодин С. Н. Две модели регионализма для ШОС: российская или китайская? // Российско-китайское региональное сотрудничество: новые вызовы и возможности: материалы V междунар. науч.-практ. конф., Новосибирск, 11–12 ноября 2021 года. Новосибирск: Новосибирский гос. техн. ун-т, 2021. С. 45–50.

Лукин А. В. ШОС: итоги российского председательства // ИнфоШОС. 2009. 22 окт. URL: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=5012> (дата обращения: 10.10.2024).

The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons / ed. by S. Marochkin, Yu. Bezborodov. L.; N. Y.: Routledge, 2022. 262 p.

References

Konarovskii M. A. (2016) Rossiya – ShOS: nekotorye elementy strategii [Russia and the Shanghai Cooperation Organization: Some Elements of Strategy]. In *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii: obrazovanie, nauka, novaya ekonomika*, vol. 11, no. 4, pp. 149–161.

Lagutina M. L., Pogodin S. N. (2021) Dve modeli regionalizma dlya ShOS: rossiiskaya ili kitaiskaya? [Two models of regionalism for the SCO: Russian or Chinese?]. In *Rossiisko-kitaiskoe regional'noe sotrudnichestvo: novye vyzovy i vozmozhnosti: materialy V mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Novosibirsk, 11–12 noyabrya 2021 goda*. Novosibirsk, Novosibirskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet, pp. 45–50.

Lukin A. V. (2009) ShOS: itogi rossiiskogo predsedatel'stva [SCO: results of the Russian presidency]. In *InfoShOS*. 22 October, available at: <http://www.infoshos.ru/ru/?idn=5012> (accessed: 10.10.2024).

Marochkin S., Bezborodov Yu. (Eds) (2022) *The Shanghai Cooperation Organization: Exploring New Horizons*. London, New York, Routledge, 262 p.

ПРАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАЧИСЛЕНИЯ ПРОЦЕНТОВ НА СУММУ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ОПЛАТЫ

Терехин Илья Сергеевич

Студент магистратуры Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва), ORCID 0009-0003-7731-5502, e-mail: terexin.ilya2017@yandex.ru.

Стандартной задачей в ходе претензионной работы является поиск способа защиты при ненадлежащем исполнении обязательств. При наличии в правоотношениях предварительной оплаты товара одним из законных механизмов мотивации контрагента к предоставлению может выступать начисление процентов на сумму перечисленного аванса. Однако буквальное толкование норм, регулирующих данный механизм (ст. 487 «Предварительная оплата товара», ст. 395 «Ответственность за неисполнение денежного обязательства» ГК РФ), не позволяет однозначно ответить на вопросы о соотношении отмеченных норм, периоде начисления процентов, моменте возникновения у стороны права на соответствующее взыскание. Цель настоящего исследования – ответить на поставленные вопросы. В статье рассматривается правовая природа положений ГК РФ об авансе и ответственности за неисполнение денежного обязательства, анализируется актуальная практика взыскания процентов на сумму предварительной оплаты арбитражными судами. В результате исследования законодательства, ряда судебных дел и мнений представителей цивилистической науки автор приходит к выводу о корреляции ст. 395 и ст. 487 ГК РФ и формулирует позицию об особенностях применения п. 4 ст. 487 ГК РФ в современных правовых реалиях.

Ключевые слова: купля-продажа, предварительная оплата товара, аванс, ответственность за неисполнение денежного обязательства, законная неустойка

Для цитирования: Терехин И. С. Практические особенности начисления процентов на сумму предварительной оплаты // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2024. № 5. С. 52–59. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_5_52.

PRACTICAL PECULIARITIES OF INTEREST CALCULATION ON THE AMOUNT OF TENTATIVE PAYMENT

Terekhin Ilya

Student, National Research University Higher School of Economics (Moscow), ORCID: 0009-0003-7731-5502, e-mail: terexin.ilya2017@yandex.ru.

A standard claim work agenda is the question of finding a protection method in case of improper discharge of obligations. In the presence of tentative payment for goods in legal relations one of the legal mechanisms to motivate the counterparty to provide can be the interest calculation on the amount of the transferred advance payment. However, the literal interpretation of the norms regulating this mechanism (Art. 487 «The Tentative Payment for Goods», Art. 395 «Responsibility for the Non-Discharge of the Pecuniary Obligation» of the Civil Code of the Russian Federation) does not allow to unambiguously answer the questions about the mentioned norms ration, the interest calculation period, the moment when the party has the right to the relevant recovery. The study purpose is to answer these questions. The article considers the legal nature of the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on tentative payment and liability for non-discharge of the pecuniary obligations, analyzes the current practice of interest calculation on the tentative payment by arbitration courts. As a result of study of the legislation, a number of court cases and civilization science doctrine the author comes to the conclusion about the correlation of Art. 395 and Art. 487 of the Civil Code of the Russian Federation and formulates a position on the application

peculiarities of Par. 4 of Art. 487 of the Civil Code of the Russian Federation in modern legal realities.

Key words: purchase and sale, tentative payment for goods, advance payment, responsibility for the non-discharge of the pecuniary obligation, forfeit

*For citation: Terekhin I. (2024) Practical peculiarities of interest calculation on the amount of tentative payment. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu juridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 52–59, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2024_5_52.*

Введение

Нередко договоры купли-продажи включают в себя условие о предварительной оплате товара. Смоделируем следующую ситуацию. Покупатель при согласовании условий договора не настоял на включении неустойки за ненадлежащее исполнение обязательств со стороны поставщика. Однако просрочка наступила и, несмотря на усилия покупателя, ускорить исполнение обязательства не представляется возможным. Возникает следующий вопрос: существует ли у покупателя способ стимулировать поставщика исполнить обязательства, взыскав проценты на денежные средства, находящиеся у поставщика в качестве аванса?

Согласно п. 4 ст. 487 ГК РФ («Предварительная оплата товара»), «когда продавец не исполняет обязанность по передаче предварительно оплаченного товара и иное не предусмотрено законом или договором купли-продажи, на сумму предварительной оплаты подлежат уплате проценты *в соответствии со статьей 395* настоящего Кодекса со дня, когда по договору передача товара должна была быть произведена, до дня передачи товара покупателю или возврата ему предварительно уплаченной им суммы».

Казалось бы, законодательство содержит специальную норму, предусмотренную для договоров купли-продажи. Однако допущенная неточность при ее формулировании не позволяет ответить на два существенных для участников гражданского оборота вопроса:

1) как соотносится ст. 487 ГК РФ, содержащая формулировку «в соответствии со статьей 395», со ст. 395 ГК РФ?

2) возможно ли взыскать проценты в рамках вышеупомянутой статьи при действующем договоре купли-продажи?

1. Соотношение ст. 395 и 487 ГК РФ

Начисление процентов на полученную продавцом предоплату возможно при использовании двух существенно отличающихся статей законодательства: ст. 395 и 487 Гражданского кодекса РФ.

Статья 395 ГК РФ

Пункт 1 ст. 395 ГК РФ (ответственность за неисполнение денежного обязательства) закрепляет, что «в случаях неправомерного удержания денежных средств, уклонения от их возврата, иной просрочки в их уплате подлежат уплате проценты на сумму долга. Размер процентов определяется ключевой ставкой Банка России, действовавшей в соответствующие периоды». Обязательным условием применения настоящей нормы является незаконный характер нахождения предварительной платы у продавца, т. е. без имеющихся на то правомерных оснований¹.

Для соблюдения этого условия в рассматриваемом в настоящей работе случае необходимо расторжение договора и заявление требования о возврате аванса или совершение иных преобразовательных действий. При этом период исчисления процентов на сумму долга определить затруднительно. Применяя буквальное толкование ст. 395 ГК РФ, однозначно ответить на данный вопрос не представляется возможным.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательного права» / А. В. Барков, А. В. Габов, М. Н. Илюшина и др.; под ред. Л. В. Санниковой. М.: Статут, 2016. С. 404.

Верховный Суд РФ указал, что «проценты начисляются со дня просрочки исполнения возникших из договоров денежных обязательств» (п. 50 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г.). Под денежным обязательством автор понимает гражданское правоотношение, содержанием которого являются право требования кредитора и корреспондирующая ему юридическая обязанность должника совершить платеж¹. Именно это разъяснение ВС РФ стало ориентиром развития судебной практики по рассматриваемому вопросу.

Так, руководствуясь целью заключения договора купли-продажи (переход права собственности от продавца к покупателю), судьи сходятся во мнении, что речь идет о неденежном обязательстве. Следовательно, при действующем договоре купли-продажи начисление процентов на сумму предварительной оплаты в соответствии со ст. 395 ГК РФ будет необоснованным. Для использования конструкции начисления процентов необходимо преобразование обязательства в денежное, что происходит лишь после совершения определенных действий.

Как следствие, именно с этих преобразовательных мер начинается исчисление процентов. Так, среди судов апелляционной и кассационной инстанций² закрепились позиция, что «начисление процентов в соответствии со ст. 395 ГК РФ возникает только с момента получения поставщиком требования о возврате предоплаты и (или) уведомления об одностороннем отказе от исполнения договора, поскольку в этот момент сторона, заявившая данное требование, считается утратившей интерес к дальнейшему исполнению условий договора, и фактически обязательство по передаче товара (неденежное обязательство) трансформируется в денежное»³. Подход поддерживается и представителями доктрины: «...покупатель может начислить на предоплату штрафные проценты по ст. 395 ГК РФ только с момента, когда продавец впадет в просрочку по возврату полученного аванса»⁴. В совокупности это дает основание полагать, что сложившаяся практика является актуальной и обоснованной.

Таким образом, в рамках привлечения продавца к ответственности за неисполнение денежного обязательства покупатель, используя ст. 395 ГК РФ, при возврате аванса после расторжения договора по общему правилу может рассчитывать на взыскание лишь минимальной суммы, не включающей проценты, рассчитанные за период просрочки исполнения основного обязательства.

Для частного случая расторжения договора по вине стороны, получившей аванс, в соответствии с мнением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ в качестве исключения из общего правила закрепляется ретроактивный подход: «...подлежат уплате проценты на основании ст. 395 ГК РФ с даты получения возвращаемой суммы другой стороной (ответчиком)» (п. 5 постановления Пленума ВАС РФ от 6 июня 2014 г.). А. Г. Карапетов, комментируя данную позицию, отмечает, что «если договор срывается по обстоятельствам, за которые отвечает продавец (подрядчик, исполнитель и т. п.), то встречное неденежное предоставление не будет получено, синаллагма не реализуется и компенсацию за предоставление денежных средств в виде соответствующего встречного неденежного предоставления в оговоренном размере плательщик не получает. Ретроактивное начисление процентов нацелено на исправление такой ситуации»⁵.

¹ Коваленко Е. Ю., Филиппова Т. А. Проценты по денежному обязательству: правовая природа и правила применения // Вестник ОмГУ. Сер. Право. 2016. № 2(47). С. 109.

² См., например: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31 мая 2018 г. по делу № 309-ЭС17-21840, А60-59043/2016; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29 мая 2023 г. № Ф07-5239/2023 по делу № А56-76859/2022; постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 25 августа 2023 г. по делу № А33-6079/2022; постановление Арбитражного суда Московского округа от 16 августа 2023 г. № Ф05-17813/2023 по делу № А40-249043/2022; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19 сентября 2023 г. № Ф09-4635/23 по делу № А76-29045/2021 и др. Здесь и далее судебные решения взяты из СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 29 ноября 2022 г. № Ф03-5550/2022 по делу № А51-1503/2022.

⁴ Бычков А. Об авансе и о задатке // ЭЖ-Юрист. 2016. № 33. С. 12.

⁵ Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. С. 1398.

Статья 487 ГК РФ

Обратимся к ст. 487 Гражданского кодекса. Буквальное толкование формулировки анализируемой нормы предполагает иное решение по вопросу определения периода начисления процентов. Так, согласно п. 4 проценты исчисляются «со дня, когда по договору передача товара должна была быть произведена». Однако наличие в пункте ссылки на ст. 395 ГК РФ свидетельствует о коллизии: в указанный срок неправомерность удержания денежных средств не возникает.

Из этого следует закономерный вопрос о соотношении ст. 395 и ст. 487 ГК РФ: является ли п. 4 ст. 487 ГК РФ продолжением ст. 395 ГК РФ или же рассматриваемая норма закрепляет отдельный вид ответственности для участников договоров купли-продажи?

В практике арбитражных судов встречаются единичные дела, подтверждающие самостоятельность ст. 487 ГК РФ. Например, согласно постановлению Арбитражного суда Западно-Сибирского округа¹ до возникновения у поставщика обязанности по возврату покупателю внесенной предварительной оплаты по договору проценты начисляются в соответствии с п. 4 ст. 487 ГК РФ, а после возникновения неправомерного удержания денежных средств – согласно ст. 395 ГК РФ. Аналогичные выводы содержатся также в решениях некоторых судов кассационной инстанции².

Кроме того, встречаются отдельные решения, из которых следует, что п. 4 ст. 487 ГК РФ закрепляет самостоятельную неустойку³. Автономность статьи выводится в том числе из особого порядка ее применения: во-первых, истец может взыскать проценты за период просрочки только при заявлении требования, ссылаясь именно на данную норму, не ограничиваясь ст. 395 ГК РФ⁴; во-вторых, невозможно применение законной неустойки, предусмотренной анализируемой статьей, к другим видам договоров (в том числе к договорам подряда)⁵.

Стоит повторно акцентировать внимание, что вышеизложенные примеры являются исключениями из сложившейся практики. По общему правилу при вынесении решения суды ссылаются на положения как ст. 487, так и ст. 395 ГК РФ без обоснования выбора статьи, которой они руководствовались для исчисления процентов. Более того, зачастую судьи, как и сами истцы в своей аргументации в целом избегают упоминания ст. 487 ГК РФ, ограничиваясь лишь ст. 395 ГК РФ. При этом данная практика не вызывает негативной реакции, потому что вне зависимости от применяемой статьи расчет размера процентов определяется ключевой ставкой Центрального банка РФ. Как следствие, арифметическую ошибку в расчетах мотивировочная часть решения не содержит.

Наглядным примером игнорирования ст. 487 ГК РФ является дело № А40-180355. Согласно материалам дела между Институтом (продавец, ответчик) и Обществом (покупатель, истец) был заключен договор купли-продажи помещений на условиях, определенных по результатам торгов.

В рамках исполнения договора покупатель передал задаток. Однако в дальнейшем у продавца возникли сложности с регистрацией перехода права собственности. Тогда в соответствии со ст. 395 ГК РФ истец начислил на сумму предоплаты проценты в размере 15 555 543,09 руб. за период с 18 июля 2020 г. по 9 апреля 2021 г. в связи с использованием продавцом средствами покупателя за время просрочки передачи объекта.

¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 2 ноября 2023 г. № Ф04-4938/2023 по делу № А27-13710/2022.

² См., например: постановление Арбитражного суда Московского округа от 15 августа 2023 г. № Ф05-17855/2023 по делу № А41-83851/2022; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 16 августа 2023 г. № Ф08-7302/2023 по делу № А63-14669/2022.

³ См., например: постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 3 апреля 2017 г. № Ф01-616/2017 по делу № А11-3472/2016.

⁴ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 23 октября 2023 г. № Ф10-3946/2023 по делу № А08-5366/2022.

⁵ Постановление ФАС Центрального округа от 9 ноября 2009 г. № Ф10-4823/09 по делу № А54-372/2009-С11.

⁶ Карапетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. М.: Статут, 2012. Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. С. 169.

Взыскание процентов произошло за весь период нахождения денежных средств у продавца в суде первой инстанции¹, апелляции² и кассации³ без применения и упоминания ст. 487 ГК РФ.

Дело дошло до Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ, отметившей актуальность применения ст. 487 ГК РФ.

Стоит отметить, что дискуссионность правовой природы рассматриваемой статьи присутствует не только в судебной практике, но и в доктрине. Действительно, «нет ничего более практичного, чем хорошая теория», однако решить проблему расплывчатой формулировки нормы теория в данном случае не смогла в связи с отсутствием единообразия взглядов среди представителей цивилистической науки относительно того, чем в действительности является данная норма. Так, одни авторы⁴, определяя п. 4 ст. 487 ГК РФ в качестве положения, закрепляющего законную неустойку, полагают, что отсылка к ст. 395 ГК РФ представляет собой «прием юридической техники законодателя, определившего таким образом размер неустойки, принимая во внимание изменяющуюся ставку рефинансирования»⁵. Другие авторы не считают возможным отнести указанные проценты к неустойке, утверждая, что речь идет о плате за пользование денежными средствами кредитора⁶ или о плате за пользование коммерческим кредитом⁷.

Но вернемся к результату рассмотрения дела № А40-180355. В соответствии с определением Верховного Суда РФ от 1 августа 2023 г. принципиальное отличие ст. 487 от ст. 395 ГК РФ состоит в том, что «проценты по первому предложению п. 4 ст. 487 ГК РФ нельзя считать как проценты за пользование чужими денежными средствами (за пользование предоплатой); они являются особым видом специально установленной гражданско-правовой ответственности продавца за просрочку передачи товара, т. е. неустойкой за допущенное нарушение, выражающееся в неисполнении (ненадлежащем исполнении) неденежного обязательства по передаче товара в определенном статьей 395 ГК РФ размере»⁸. Поскольку продавец не совершал неправомерного удержания денежных средств, а также в связи с отсутствием в договоре иного диспозитивного регулирования применению подлежала именно ст. 487 ГК РФ.

С учетом гибкости отечественного гражданского права есть надежда, что позиция Верховного Суда РФ поставит точку в споре ученых о соотношении рассматриваемых положений законодательства, а проанализированное определение станет ориентиром для нижестоящих судов, что позволит скорректировать сформировавшуюся практику.

Таким образом, ст. 487 ГК РФ является специальным правилом, предусматривающим ответственность (законную неустойку) для договоров купли-продажи, в то время как ссылка на ст. 395 ГК РФ применяется лишь в качестве инструкции по расчету процентов в рамках данной ответственности. А. Г. Карапетов считает данное решение логически обоснованным и в то же время довольно оригинальным, не распространенным в праве зарубежных стран⁹. Анализируемые нормы не противоречат друг другу,

¹ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 8 июля 2022 г. по делу № А40-180355/21-85-1168.

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 4 октября 2022 г. № 09АП-58110/2022 по делу № А40-180355/2021.

³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23 января 2023 г. № Ф05-34740/2022 по делу № А40-180355/2021.

⁴ См., например: Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001. Кн. 1. С. 703; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. (постатейный) / Т. Е. Абова, Л. В. Андреева, Е. Б. Аникина и др.; под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2006. Т. 2. С. 84; Добрачев Д. В. Денежные обязательства: тенденции развития доктрины и судебной практики. М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. 131.

⁵ Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Избранные постановления за 2005 год с комментариями / под ред. А. А. Иванова. М.: Статут, 2010. С. 186.

⁶ Розенберг М. Г. Правовая природа процентов годовых по денежным обязательствам (практические и теоретические аспекты применения новых положений Гражданского кодекса РФ) // Гражданский кодекс России: Проблемы. Теория. Практика: Сб. памяти С. А. Хохлова. М.: МЦФЭР, 1998. С. 328.

⁷ Новоселова Л. А. Проценты по денежным обязательствам. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2003. С. 126.

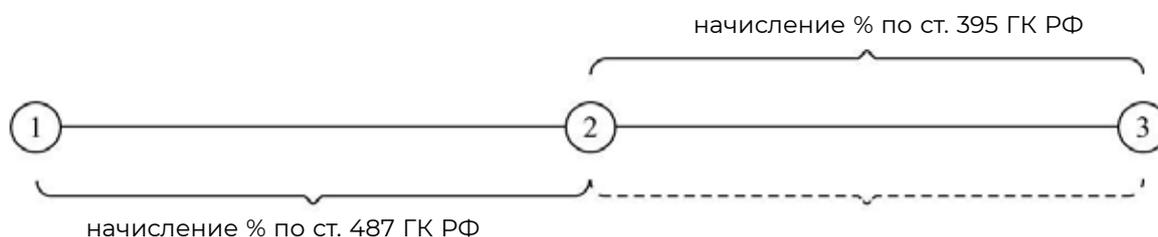
⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 1 августа 2023 г. № 305-ЭС23-2969 по делу № А40-180355/2021.

⁹ Общие положения о купле-продаже, поставка товара и купля-продажа недвижимости: комментарий к статьям 454–491, 506–524, 549–558 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2023. С. 828.

а указание «в соответствии со статьей 395» является приемом юридической техники с целью избежать дублирования формулировок в объемном Гражданском кодексе.

Представляется, что изложенная позиция полностью коррелирует с идеей законодателя об унификации российского гражданского права. Как утверждает В. В. Витрянский, «в ходе реформы гражданского законодательства¹ ставилась задача унифицировать правила о размере процентов и порядке их исчисления в отношении всех упомянутых в Гражданском кодексе случаев, когда предусмотрена обязанность их уплаты, и независимо от правовой природы соответствующих процентов за пользование чужими денежными средствами»². В результате ст. 487 ГК РФ намеренно конструируется соответствующим образом: с использованием ст. 395 ГК РФ в качестве ссылки на правило по определению процентов; возможно, даже с изначальным расчетом на разъяснения высшего судебного органа по вопросу детализации анализируемой неочевидной формулировки.

Кроме того, в результате исследования данного вопроса приходим к выводу, что рассматриваемые нормы существенно дополняют друг друга, поскольку ответственность для договоров купли-продажи можно представить следующим образом:

- 1 – просрочка исполнения обязательства
- 2 – расторжение договора (требование вернуть аванс)
- 3 – момент возврата денежных средств

Таким образом, независимо от предъявления требования вернуть аванс или расторгнуть договор купли-продажи на сумму предварительной оплаты (разница лишь в ссылке на ст. 487 или 395 ГК РФ) подлежат уплате проценты с момента просрочки исполнения обязательства по передаче товара до момента возврата денежных средств.

2. Возможность взыскания процентов до момента расторжения договора

Обратимся к вопросу о том, в какой момент можно обратиться с требованием к продавцу, а именно: возможно ли произвести взыскание процентов на сумму предварительной оплаты в соответствии со ст. 487 ГК РФ при действующем договоре?

Сформировавшаяся судебная практика³ иллюстрирует, что предъявление требования оплатить рассчитанные проценты происходит уже после исполнения обязательства по поставке со стороны поставщика или в результате расторжения договора за исключением единичных дел. Примером последнего является решение Арбитражного суда г. Москвы от 3 марта 2023 г.: «...требование истца к ответчику об обязанности передать оплаченный товар и уплатить проценты в соответствии со статьей 395 ГК РФ основано на законе (статья 487 ГК РФ)»⁴. Несмотря на то что суд в резолютивной части решения называет это «проценты за пользование чужими денежными сред-

¹ Имеются в виду изменения, внесенные Федеральным законом от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации».

² Кодификация российского частного права 2019 / В. В. Витрянский, С. Ю. Головина, Б. М. Гонгалов и др.; под ред. Д. А. Медведева. М.: Статут, 2019. С. 334.

³ См., например: постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 29 ноября 2023 г. № Ф06-9941/2023 по делу № А55-39153/2022; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22 ноября 2023 г. № Ф04-5931/2023 по делу № А45-29699/2022; постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 ноября 2023 г. № Ф05-26363/2023 по делу № А40-11157/2023; постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 20 ноября 2023 г. № Ф01-7461/2023 по делу № А29-16523/2022; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 11 октября 2023 г. № Ф09-6339/23 по делу № А76-26318/2022; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 27 января 2023 г. № Ф08-13781/2022 по делу № А63-554/2021.

⁴ Решение Арбитражного суда г. Москвы от 3 марта 2023 г. по делу № А40-93960/22-45-617.

ствами», отмеченная позиция подтверждает возможность привлечения к ответственности при действующем договоре, без выдвигания требования о его расторжении или возврате аванса (поскольку в ключевой аргументации суда используется именно п. 4 ст. 487 ГК РФ).

Аналогичным примером является дело № А40-77039/2018, при рассмотрении которого апелляция¹ и кассация² удовлетворили требования о взыскании процентов в рамках действующего договора. Однако стоит повторно отметить, что такие дела в российской судебной практике – редкость.

Важно понимать, что это вовсе не говорит о том, что п. 4 ст. 487 ГК РФ является «спящей» нормой. Как отмечалось ранее, практика применения судами ст. 487 в сочетании со ст. 395 ГК РФ весьма обширна. Между тем большинство дел связано с ситуацией, когда зафиксирован факт просрочки, однако товар в дальнейшем поставляется или покупателем предъявляется требование о возврате аванса или о расторжении договора.

Считаем, что такой подход выступает результатом юридической техники построения анализируемой нормы, предполагающей в качестве конечного срока по взысканию процентов именно момент передачи товара (исполнения обязательства) и, как следствие, прекращение действия договора. В результате взыскание зачастую происходит не многократно за короткий промежуток времени, а за весь период просрочки единовременно. Представляется, что это во многом связано с процессуальной экономией со стороны истцов: покупатель не имеет желания постоянно являться в суд (вначале обращаясь с взысканием процентов за разные периоды в соответствии со ст. 487 ГК РФ, затем с требованием вернуть аванс и т. д.). Кроме того, в сформировавшейся практике экономического оборота большинство договоров между юридическими лицами включают условие о договорной неустойке, что исключает необходимость применения п. 4 ст. 487 ГК РФ.

Заключение

Итогом исследования стало утверждение, что ст. 487 ГК РФ закрепляет специальную ответственность за нарушения при передаче предмета обязательства в рамках договора купли-продажи, которая выражается в начислении на сумму предварительной оплаты товара процентов, исчисляемых со дня просрочки передачи товара до момента соответствующей передачи или возврата денежных средств.

Кроме того, требование о взыскании процентов за период просрочки исполнения обязательства может выдвигаться как в период действия договора поставки (что, как мы выяснили, на практике происходит довольно редко), так и после исполнения обязательства продавцом или выдвигания требования вернуть предварительную плату (расторгнуть договор).

Противоречий со ст. 395 ГК РФ в результате проведенного анализа не обнаружено, так как ссылка на данную норму в рамках ст. 487 ГК РФ производится лишь в части детализации порядка расчета процентов и не затрагивает иные существенные элементы ответственности за неисполнение денежного обязательства.

Список литературы

Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001. Кн. 1. 848 с.

Бычков А. Об авансе и о задатке // ЭЖ-Юрист. 2016. № 33. С. 12–14.

Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательного права» / А. В. Барков, А. В. Габов, М. Н. Илюшина и др.; под ред. Л. В. Санниковой. М.: Статут, 2016. 622 с.

Добрачев Д. В. Денежные обязательства: тенденции развития доктрины и судебной практики. М.: Инфотропик Медиа, 2015. 168 с.

Договорное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 420–453 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2020. 1425 с.

¹ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 18 октября 2018 г. № 09АП-47737/2018-ГК по делу № А40-77039/18.

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27 марта 2019 г. № Ф05-24490/2018 по делу № А40-77039/2018.

Карпетов А. Г., Савельев А. И. Свобода договора и ее пределы: в 2 т. М.: Статут, 2012. Т. 2: Пределы свободы определения условий договора в зарубежном и российском праве. 453 с.

Коваленко Е. Ю., Филиппова Т. А. Проценты по денежному обязательству: правовая природа и правила применения // Вестник ОмГУ. Сер. Право. 2016. № 2(47). С. 108–113.

Кодификация российского частного права 2019 / В. В. Витрянский, С. Ю. Головина, Б. М. Гонгало и др.; под ред. Д. А. Медведева. М.: Статут, 2019. 492 с.

Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. (постатейный) / Т. Е. Абова, Л. В. Андреева, Е. Б. Аникина и др.; под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт-Издат, 2006. Т. 2. 1192 с.

Новоселова Л. А. Проценты по денежным обязательствам. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2003. 192 с.

Общие положения о купле-продаже, поставка товара и купля-продажа недвижимости: комментарий к статьям 454–491, 506–524, 549–558 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карпетов. М.: М-Логос, 2023. 1254 с.

Правовые позиции Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: Избранные постановления за 2005 год с комментариями / под ред. А. А. Иванова. М.: Статут, 2010. 583 с.

Розенберг М. Г. Правовая природа процентов годовых по денежным обязательствам (практические и теоретические аспекты применения новых положений Гражданского кодекса РФ) // Гражданский кодекс России: Проблемы. Теория. Практика: Сб. памяти С. А. Хохлова. М.: МЦФЭР, 1998. С. 309–333.

References

Abova T. Ye., Kabalkin A. Yu. (Eds.) (2016) *Kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii, chastii vtoroi: in 3 vols. (postateinyi)* [Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, Part Two: in 3 vols. (article-by-article)], 3rd ed., revised and add. Moscow, Yurait-Izdat, vol. 2, 1192 p.

Braginsky M. I., Vitryansky V. V. (2001) *Dogovornoe pravo. Obshchie polozheniya* [Contract Law. General provisions], 3rd ed. Moscow, Statut, Book 1, 848 p.

Bychkov A. (2016) *Ob avanse i o zadatke* [On advance payment and deposit]. In *EZH-Yurist*, no. 33, pp. 12–14.

Dobrachev D. V. (2015) *Denezhnye obyazatel'stva: tendentsii razvitiya doktriny i sudebnoi praktiki* [Monetary obligations: trends in the development of doctrine and judicial practice]. Moscow, Infotropik Media, 168 p.

Ivanov A. A. (Ed.) (2010) *Pravovye pozitsii Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii: Izbrannye postanovleniya za 2005 god s kommentariyami* [Legal positions of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation: Selected rulings for 2005 with comments]. Moscow, Statut, 583 p.

Karapetov A. G. (Ed.) (2020) *Dogovornoe pravo (obshchaya chast'): postateinyi kommentarii k stat'yam 420–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Contract law (general part): article-by-article commentary to Articles 420–453 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow, M-Logos, 1425 p.

Karapetov A. G. (Ed.) (2023) *Obshchie polozheniya o kuple-prodazhe, postavka tovara i kuplya-prodazha nedvizhimosti: kommentarii k stat'yam 454–491, 506–524, 549–558 Grazhdanskogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [General provisions on sale and purchase, delivery of goods and sale and purchase of real estate: commentary on Articles 454–491, 506–524, 549–558 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow, M-Logos, 1254 p.

Karapetov A. G., Savelyev A. I. (2012) *Svoboda dogovora i ee predely: in 2 vols. Vol. 2: Predely svobody opredeleniya uslovii dogovora v zarubezhnom i rossiiskom prave* [Freedom of contract and its limits: in 2 vols. Vol. 2: Limits of freedom to determine the terms of the contract in foreign and Russian law]. Moscow, Statut, 453 p.

Kovalenko E. Yu., Filippova T. A. (2016) *Protsenty po denezhnomu obyazatel'stvu: pravovaya priroda i pravila primeneniya* [Interest on monetary obligation: legal nature and rules of application]. In *Vestnik OmGU. Ser. Pravo*, no. 2(47), pp. 108–113.

Medvedev D. A. (Ed.) (2019) *Kodifikatsiya rossiiskogo chastnogo prava 2019* [Codification of Russian private law 2019]. Moscow, Statut, 492 p.

Novoselova L. A. *Protsenty po denezhnym obyazatel'stvam* [Interest on monetary obligations], 2nd ed., revised and add. Moscow, Statut, 192 p.

Rosenberg M. G. (1998) *Pravovaya priroda protsentov godovykh po denezhnym obyazatel'stvam (prakticheskie i teoreticheskie aspekty primeneniya novykh polozhenii Grazhdanskogo kodeksa RF)* [Legal nature of annual interest on monetary obligations (practical and theoretical aspects of application of new provisions of the Civil Code of the Russian Federation)]. In *Grazhdanskii kodeks Rossii: Problemy. Teoriya. Praktika: Sb. pamyati S. A. Khokhlova*. Moscow, MTSFER, pp. 309–333.

Sannikova L. V. (Ed.) (2016) *Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii. Postateinyi kommentarii k razdelu III «Obshchaya chast' obyazatel'nogo prava»* [Civil Code of the Russian Federation. Article-by-article commentary to Section III «General part of compulsory law»]. Moscow, Statute, 622 p.

ЭЛЕКТРОННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ К «РОССИЙСКОМУ ЮРИДИЧЕСКОМУ ЖУРНАЛУ»

Редактор *О. Ю. Петрова*
Дизайн обложки *И. М. Митрофановой*
Компьютерная верстка *О. Ю. Петровой*

Подписано к использованию 28.12.24.
Уч.-изд. л. 5,42. Объем 1,77 МВ

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 1, ч. 4 ст. 11
Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ
маркировке не подлежит